This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

891.78
G69pne

ETZTEN
von
AXIM GORKI

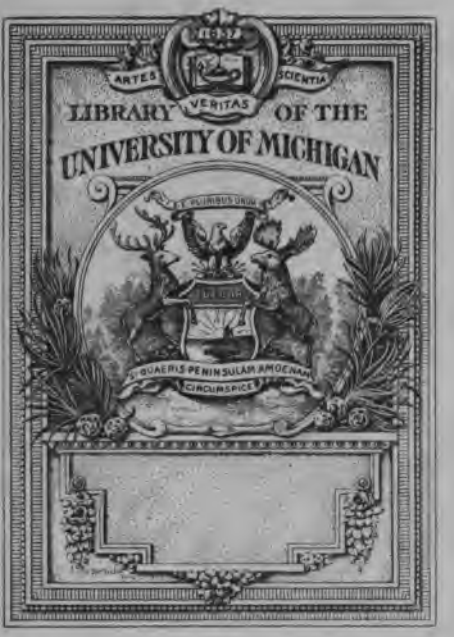
Preis 1,50 Mark
Цѣна 1 м. 50 пф.

A 470503

Максимъ Горькій

ПОСЛѢДНІЕ

BERLIN
J. LADYSCHNIKOW
VERLAG


ARTES
SCIENTIA
VERITAS
LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF MICHIGAN
QUAERIS PENINSULAM AMOENAM
CIRCUMSPICE

Die Letzten

Schauspiel von Maxim Gorki

---

gor'kij, maksim

МАКСИМЪ ГОРЬКІЙ

Poslědnïe

Послѣдніе

Пьеса въ четырехъ дѣйствіяхъ

BERLIN

Bühnen- und Buchverlag russischer Autoren

J. Ladyschnikow

1908

891.78
G69 pms

Право собственности внѣ Россіи закрѣплено за авторомъ
во всѣхъ странахъ —
гдѣ это допускается существующими законами.

Alle Rechte vorbehalten,
insbesondere das Übersetzungsrecht in fremde
Sprachen.

Den Bühnen gegenüber Manuskript.
Das Aufführungsrecht ist nur vom Bühnen- und Buchverlag
russischer Autoren J. Ladyschnikow, Berlin W. 15 zu erwerben.

DRUCK DER SPAMERSCHEN BUCHDRUCKEREI
IN LEIPZIG

ЛИЦА:

Иванъ Коломейцевъ.
Яковъ, его братъ.
Софья, жена Ивана.
Александръ — 26 лѣтъ.
Надежда — 23 лѣтъ.
Любовь — 20 лѣтъ.
Петръ — 18 лѣтъ.
Вѣра — 16 лѣтъ.
Г-жа Соколова.
Лещъ, мужъ Надежды.
Якоревъ, околодочный надзиратель.
Федосья, няня, очень старая, полуглухая.
Горничная.

I.

Уютная комната; въ правой стѣнѣ каминъ. У задней стѣны ширмы, за ними видна односпальная кровать, покрытая краснымъ одѣяломъ, и узкая бѣлая дверь. Большой книжный шкафъ дѣлитъ комнату на двѣ части; правая — больше лѣвой. Шкафъ обращенъ дверьми направо, спинка его завѣшена ковромъ, къ ней прислонилось піанино, напротивъ — широкій, темный диванъ и маленькое окно; въ глубинѣ этой комнаты дверь въ столовую. Тамъ свѣтло. Если къ піанино поставить стулъ — онъ закроетъ проходъ въ столовую. У камина, въ глубокомъ креслѣ, сидитъ Яковъ, сѣдой, кудрявый, бритый, лицо мягкое и красивое, читаетъ книгу. Сзади кресла на письменномъ столѣ высокая лампа подъ абажуромъ изъ зеленой бумаги. У стола, тоже въ креслѣ, сидитъ Федосья, въ рукахъ у нея длинное сѣрое вязанье, на колѣняхъ большой клубокъ шерсти; она все время что-то бормочетъ. Въ столовой безшумно ходитъ, накрывая столъ къ обѣду, горничная; тамъ-же Софья — она моложава, лицо блѣдное, глаза мало подвижны, всегда смотрятъ вдаль, пристально и тревожно. Яковъ мѣшаетъ угли въ каминѣ, она прислушивается къ шуму, медленно идетъ въ комнату Якова, за шкафомъ нерѣшительно останавливается.

СОФЬЯ. Я не помѣшаю?

ЯКОВЪ. Конечно, нѣтъ! (Встрѣчаетъ ее улыбкой.)

СОФЬЯ. Мнѣ казалось — ты занятъ...

ЯКОВЪ (снимая пенснэ). Чѣмъ?

273259

СОФЬЯ. Я хочу спросить тебя: г-жа Соколова, мать того, который стрѣлялъ въ Ивана, проситъ принять ее. Какъ ты думаешь, принять?

ЯКОВЪ (нерѣшительно). Да-а... не знаю... Какъ мать, она имѣетъ право на твое вниманіе... хотя — зачѣмъ ей обращаться именно къ тебѣ, а не къ Ивану?

ФЕДОСЬЯ (тихо и не поднимая головы бормочетъ). Ждемъ — пождемъ, да опять пойдемъ...

СОФЬЯ. Ты вѣришь, что стрѣлялъ этотъ?

ЯКОВЪ. Видишь-ли — я думаю террористы не лгутъ, заявляя, что онъ не принадлежитъ къ ихъ партіи...

СОФЬЯ. Мнѣ тоже кажется...

ЯКОВЪ. Ты что не сядешь?

СОФЬЯ (опуская голову). Не хочется...

ЯКОВЪ. У тебя утомленное лицо.

СОФЬЯ (негромко). Когда я сажусь — меня одолѣваетъ слабость. (Тише.) Извини, но я снова принуждена просить у тебя денегъ...

ЯКОВЪ (торопливо, сконфуженный). Въ лѣвомъ ящикѣ стола — пожалуйста! Верхній ящикъ, не заперто...

СОФЬЯ. Какъ это тяжело... обирать тебя...

ЯКОВЪ. Э, полно, Соня...

ФЕДОСЬЯ (бормочетъ). Бери, бери у него деньги-то! Умретъ скоро... куда ему!

Изъ столовой идетъ Любовь. Она горбата и — чтобы скрыть свое уродство — всегда носитъ на плечахъ шаль или пледъ. Теперь на ней большая желтая шаль. Остановилась у піанино.

СОФЬЯ (задумчиво). Переѣхали мы въ твой домъ, а тебя, больного, загнали куда-то въ уголъ...

ЯКОВЪ (смущенно). Полно, Соня...

СОФЬЯ. Я взяла сто...

Любовь ставитъ къ піанино стулъ и тихо играетъ.

ЯКОВЪ. Послушай, я хочу предложить тебѣ...

СОФЬЯ. Мнѣ нужно идти, послѣ обѣда скажешь — хорошо? (Идетъ.)

ЯКОВЪ (беретъ книгу). Когда хочешь...

ФЕДОСЬЯ (тихо напѣваетъ на мотивъ колыбельной пѣсни).

Эхъ, Яшенька, Яша,
Горька судьба наша...

Дальше слова непонятны, но все время старуха бормочетъ, точно баюкая ребенка.

СОФЬЯ (останавливается передъ дочерью, не замѣчающей ее, ждетъ нѣсколько секундъ). Пусти меня, Люба!

ЛЮБОВЬ. Я уже мѣшаю?

СОФЬЯ. Но какъ-же пройти?

ЛЮБОВЬ. Мама, гдѣ я могла-бы не мѣшать никому?

СОФЬЯ (ставитъ ногу на диванъ и такъ обходитъ стулъ дочери). Ну, не злись...

ЛЮБОВЬ (вскакивая). Ты прыгаешь, чтобы потомъ получить право упрекнуть меня за свой прыжекъ?

СОФЬЯ (уходя, тихо). Въ чемъ, когда я упрекаю тебя!

Любовь встаетъ и входитъ въ комнату Якова.

ЯКОВЪ (тихо). Какъ ты легко раздражаешься...

ЛЮБОВЬ (спокойно). Это всѣ говорятъ. Всѣ жалуются на меня, точно я зимній холодъ или осенній дождь...

ФЕДОСЬЯ (поетъ). А вотъ пришла Люба... А чего ей надо...

ЛЮБОВЬ (громко). Перестань, няня!

ФЕДОСЬЯ. Чего? (Чешетъ спицей голову и улыбается, глядя на Любовь.)

ЯКОВЪ. Ты преувеличиваешь, Люба...

ЛЮБОВЬ. Холодъ и слякоть осени тоже нѣчто преувеличенное, ненужное, враждебное людямъ... Скажи, мама сколько взяла денегъ?

ЯКОВЪ. Сто рублей... А что тебѣ?

ЛЮБОВЬ. Почему ты не хочешь дать сразу много, чтобы ей не просить часто? Вѣдь это унизительно — просить, развѣ ты не понимаешь?

ЯКОВЪ (смущенъ). Ахъ, Боже мой! Конечно, понимаю. Я не хотѣлъ сейчасъ предложить ей...

ЛЮБОВЬ (какъ-бы напоминая). Вѣдь ты богатъ...

ЯКОВЪ (улыбаясь). Былъ... Аллюминій раззорилъ меня...

ЛЮБОВЬ. Зачѣмъ тебѣ понадобился этотъ аллюминій?

ЯКОВЪ (виновато). Я думалъ, видишь-ли, что было-бы хорошо, если-бы люди получили красивый металлъ. Желѣзо — тяжело и мрачно, мѣдь — такая жирная всегда...

ЛЮБОВЬ (вздохнувъ). Какой ты смѣшной!

ЯКОВЪ. Я любилъ красивое...

ФЕДОСЬЯ. О, Господи, Господи... помилуй насъ грѣшниковъ...

ЛЮБОВЬ. Ты часто ошибался?

ЯКОВЪ (усмѣхаясь). Необходимо, должно быть, чтобы иные люди дѣлали ошибки...

ЛЮБОВЬ (заглядывая ему въ лицо). Я знаю одну твою ошибку.

ЯКОВЪ (безпокойно). Да?

ЛЮБОВЬ. Ты долженъ былъ жениться на мамѣ...

ЯКОВЪ (испуганъ). Гм... Люба!... Это слишкомъ сложно для тебя, пожалуй! Я не рѣшился-бы такъ говорить объ этомъ на твоемъ мѣстѣ.

ЛЮБОВЬ. А гдѣ оно — мое мѣсто?

ЯКОВЪ (опуская голову). Страшно ты говоришь, право...

ЛЮБОВЬ (настойчиво). Почему я никогда не могу разсердить тебя? Ты знаешь это? Я всѣхъ могу вывести изъ себя, а тебя — нѣтъ! Почему?

ЯКОВЪ. Богъ мой, я не знаю...

ЛЮБОВЬ. Мамѣ было-бы лучше съ тобой, чѣмъ съ отцемъ, который пьетъ, играетъ...

ЯКОВЪ. Милая Люба, зачѣмъ ты такъ говоришь?

ЛЮБОВЬ. Народилъ больныхъ и глупыхъ дѣтей и вотъ оставилъ ихъ теперь нищими на шеѣ мамы...

ФЕДОСЬЯ (уловивъ слово «нищіе» поетъ). Нищая братія, Богова забавушка...

ЯКОВЪ. Такъ нельзя говорить объ отцѣ! Няня, молчи, пожалуйста!

ФЕДОСЬЯ. Ась?

ЛЮБОВЬ. Почему? Мнѣ не нравится быть дочерью человѣка, который приказываетъ убивать людей...

ЯКОВЪ (тоскливо). Какъ рѣзко, Люба...

ЛЮБОВЬ. И бѣгаетъ, какъ трусъ, когда въ него стрѣляютъ за это...

ЯКОВЪ. Онъ старый, нездоровый человѣкъ, уставшій...

ЛЮБОВЬ. Развѣ болѣзнь оправдываетъ? Вѣдь онъ боленъ оттого, что много кутилъ.

ЯКОВЪ (непріятно пораженный). Откуда ты знаешь?

ЛЮБОВЬ. Это говоритъ докторъ Лещъ. Онъ тебѣ нравится.

ЯКОВЪ (возится въ креслѣ). Твои слова могутъ услышать...

ЛЮБОВЬ. Докторъ Лещъ... Тюремный врачъ... Какая честь быть въ родствѣ съ такимъ... господиномъ. Ты что — хочешь въ столовую?

ЯКОВЪ. Я не могу больше слушать...

ЛЮБОВЬ (пожимая плечами). Сиди... Куда тебѣ съ твоимъ сердцемъ! А-а, вотъ пришли любимчики... твои, мамины, всего свѣта.

ЯКОВЪ. Но вѣдь и твои...

ЛЮБОВЬ (задумчиво). Любовь къ жалкому — это, я думаю, нездоровая любовь...

ЯКОВЪ. Ты даже себѣ самой говоришь колкости.

ВѢРА (изъ столовой, за нею Петръ). Дядя!

ФЕДОСЬЯ (громко). А вотъ мои послѣдніе... дѣтки мои послѣдніе... (Перестаетъ вязать и смотритъ на всѣхъ съ улыбкою на темномъ лицѣ.)

ВѢРА. Съ какимъ интереснымъ человѣкомъ мы познакомились!

ЯКОВЪ. Это ты все время катался на конькахъ, Петръ? Смотри, тебѣ вредно!

ПЕТРЪ (задумчиво). Пустяки!

ВѢРА. Понимаешь, къ намъ на улицѣ привязались какіе-то трое — навѣрное изъ черныхъ сотенъ...

ПЕТРЪ. Три пьяныхъ идіота — идутъ за нами и говорятъ гнусныя вещи...

ВѢРА. Я имъ крикнула — мы дѣти Коломейцева...

ЛЮБОВЬ. На колѣни! Шапки долой...

Петръ исподлобья смотритъ на Любовь.

ВѢРА (Любови). Мы испугались, нужно-же было сказать, кто мы!...

ЛЮБОВЬ (съ улыбкой). А они, узнавъ это, начали ругаться еще сильнѣе, да?

ПЕТРЪ (подозрительно). Почему ты знаешь?

ВѢРА. Да, Люба, это вѣрно! Я не понимаю — какъ-же? Вѣдь они должны уважать властей? Это революціонеры не обязаны не уважать, а они — почему?

ЯКОВЪ (поучительно, но мягко). Въ Россіи никто никого не уважаетъ...

ЛЮБОВЬ. Что-же дальше?

ВѢРА. Вдругъ навстрѣчу намъ идетъ молодой человѣкъ. Я уже хотѣла ударить одного изъ нихъ коньками, того, который былъ ближе, но этотъ человѣкъ...

ПЕТРЪ (усмѣхаясь). Вѣрка, дѣйствительно, хотѣла драться...

ВѢРА. Этотъ господинъ крикнулъ имъ — прочь! (Федосья чему-то беззвучно смѣется.) Они зарычали и — на него! Вотъ было страшно! Тутъ онъ вынулъ револьверъ... (Смѣется.) Какъ они побѣжали!

ФЕДОСЬЯ (вслушивается, смѣется). Ахъ вы, мои милые, ахъ, веселые...

ПЕТРЪ. Ломанными линіями, чтобы не попала пуля...

ЛЮБОВЬ (негромко). Вотъ такъ-же бѣжалъ отецъ, когда въ него стрѣляли...

ВѢРА. Что?

ЛЮБОВЬ. Навѣрное такъ-же...

ПЕТРЪ (строго). Зачѣмъ ты это сказала?

ЛЮБОВЬ. Просто такъ...

ВѢРА. Что такое она сказала?

ПЕТРЪ. Ничего... Продолжай!

ВѢРА. Онъ очень красивый...

ПЕТРЪ (задумчиво). Хорошій голосъ и такая простая рѣчь...

ВѢРА. Брюнетъ, съ острой бородкой и — мечтательные глаза... Я думаю — онъ пишетъ стихи...

ЛЮБОВЬ. А твой револьверъ, Петръ?

ПЕТРЪ (хмурясь). Не буду я таскать его съ собой... я не люблю такихъ вещей.

ВѢРА. Онъ — трусишка!

ЯКОВЪ. Вотъ что, дѣти, давайте скроемъ отъ мамы этотъ случай, чтобы не волновать ее...

ВѢРА (разочарованно). Да? Я-бы хотѣла разсказать и ей!

ЯКОВЪ. Потомъ, послѣ — хорошо?

ВѢРА. Да...

ПЕТРЪ (задумчиво). Мы съ нимъ долго гуляли.... Мнѣ хотѣлось пригласить его къ намъ...

ВѢРА. Вотъ хорошо, Петька!

ЛЮБОВЬ. Ты думаешь, онъ пришелъ-бы?

ПЕТРЪ. А почему нѣтъ?

НАДЕЖДА (входитъ). Зачѣмъ это всѣ набились сюда? Они тебѣ мѣшаютъ, дядя?

ЯКОВЪ. Нисколько! Вѣдь каждый день передъ обѣдомъ всѣ сходятся ко мнѣ...

НАДЕЖДА. Знаете, этотъ мерзавецъ, который стрѣлялъ въ папу, заболѣлъ...

Всѣ смотрятъ на нее, становится тихо.

НАДЕЖДА. Мужъ говоритъ, что онъ не притворяется.

ПЕТРЪ (безпокойно). Почему его такъ долго не судятъ?

НАДЕЖДА. Онъ все еще не сознается...

ПЕТРЪ. Мнѣ кажется, что онъ гдѣ-то близко...

ВѢРА. Что такое?

ЛЮБОВЬ. Гдѣ-же?

ПЕТРЪ. Тутъ... за дверьми...

НАДЕЖДА. Какой вздоръ!

ПЕТРЪ. Стоитъ и ждетъ, чтобы его простили.

НАДЕЖДА. Не глупъ, однако...

СОФЬЯ (входитъ, тревожно). Кто ждетъ прощенія?

НАДЕЖДА. А этотъ, который стрѣлялъ въ отца...

СОФЬЯ (оглядывая всѣхъ). Кто это знаетъ?

ЯКОВЪ (успокаивая). Это Петръ сказалъ, Соня! Ему кажется, что этотъ человѣкъ гдѣ-то около насъ и ждетъ, чтобы мы ему простили...

СОФЬЯ (страннымъ тономъ). Революціонеры считаютъ себя правыми...

ЯКОВЪ. Какъ всѣ властолюбцы...

Петръ незамѣтно уходитъ. Вѣрѣ скучно, она стоитъ сзади кресла няньки, прикрѣпляя ей на голову бумажные цвѣты съ абажура лампы. Любовь смотритъ на всѣхъ изъ угла неподвижнымъ взглядомъ. Надежда все время охорашивается, тихонько напѣвая.

ЛЮБОВЬ (серьезно Вѣрѣ). Цвѣты ей не идутъ.

ВѢРА. Развѣ?

СОФЬЯ. А гдѣ Александръ? И Павелъ Дмитріевичъ?

НАДЕЖДА. Мужъ только что пришелъ, переодѣвается. Это онъ сказалъ, что убійца заболѣлъ...

СОФЬЯ (тревожно). Заболѣлъ? Чѣмъ?

НАДЕЖДА. Сходитъ съ ума, кажется. (Съ ироніей.) Тебѣ его жалко, мама?

СОФЬЯ. Я не сказала этого...

ЛЮБОВЬ (усмѣхаясь). Потому что боишься?

НАДЕЖДА. Эта мама становится какой-то чудачкой!

ВѢРА. Не обижайте ее, а то она не купитъ мнѣ новые коньки.

ЛЮБОВЬ (матери). Скажи, вѣдь тебѣ его жалко?

СОФЬЯ. Мнѣ надоѣло все это злое. Тюрьмы, суды, казни противны.

ЯКОВЪ (вздыхая). Съ каждымъ днемъ ихъ все больше...

НАДЕЖДА. Это необходимо, чтобы люди могли жить спокойно.

ЛЮБОВЬ. Даже индусы перестаютъ вѣрить, что покой есть счастье...

СОФЬЯ (неожиданно для всѣхъ). Террористы заявили, что онъ не участвовалъ въ покушеніи.

Всѣ смотрятъ на нее. Любовь стоитъ закрывъ глаза книгой и черезъ нее смотритъ на всѣхъ подстерегающими глазами.

НАДЕЖДА (не сразу). Развѣ можно вѣрить революціонерамъ? Какъ это наивно, мама.

Виновато улыбнувшись Софья садится на стулъ и какъ-бы вдругъ старѣетъ, мякнетъ, опускаетъ голову.

АЛЕКСАНДРЪ (въ столовой, кричитъ). Послушайте, эй! Почта была?

НАДЕЖДА. На этажеркѣ въ гостинной лежитъ письмо тебѣ... Вѣра, иди, причешись, ты ужасно растрепана.

ВѢРА. Ой, мнѣ не хочется!

НАДЕЖДА. Ну, не кривляйся! (Ведетъ ее за собой.) Ты становишься небрежной, имѣй ввиду, что мужчины терпѣть этого не могутъ...

ВѢРА. Господи! Опять мужчины! Маленькую меня пугали чертями, выросла — пугаютъ мужчинами...

ЯКОВЪ (тихо). Что съ тобой, Соня?

СОФЬЯ (вздрогнувъ). А? Я задумалась.

АЛЕКСАНДРЪ. Обѣдъ скоро?

СОФЬЯ. Да... сейчасъ...

АЛЕКСАНДРЪ (идетъ, насвистывая). Маленькій митингъ? По вопросу о финансахъ или — внутренняя политика, а?

ЛЮБОВЬ. Какъ это остроумно!

АЛЕКСАНДРЪ. Какъ ты горбата!

СОФЬЯ (укоряя). Александръ!

АЛЕКСАНДРЪ (не глядя на мать). Mon cher oncle, какъ здоровье вашихъ ножекъ?

ЛЮБОВЬ (уходя въ дверь за ширмой). Выгони его, мама!

АЛЕКСАНДРЪ (прищуриваясь). Э? Что я слышалъ? Оскорбила и спряталась, точно жиденокъ революціонеръ.

СОФЬЯ (проситъ). Въ самомъ дѣлѣ, Александръ, иди въ столовую.

АЛЕКСАНДРЪ. Да, maman? Вы — командуете?

СОФЬЯ (печально). На тебя непріятно смотрѣть...

АЛЕКСАНДРЪ. Нѣтъ, что я слышу? Вы, maman, кажется, наконецъ, хотите заняться моимъ воспитаніемъ?

ЯКОВЪ. Довольно, Александръ! Какъ ты можешь?

АЛЕКСАНДРЪ. Bien... Я имѣю маленькое дѣло къ тебѣ, дядя.

СОФЬЯ. Онъ не дастъ денегъ...

АЛЕКСАНДРЪ. Вы это знаете навѣрное?

СОФЬЯ. Я просила его не давать.

АЛЕКСАНДРЪ. Да, дядя? Она просила?

ЯКОВЪ. Конечно, если она говоритъ.

АЛЕКСАНДРЪ (злится). Вотъ рыцарскій отвѣтъ! Конечно, если она говоритъ! Я это запомню. Но — что-же вы, дядя. Какъ вы отнеслись къ ея просьбѣ?

ЯКОВЪ (смущенно). Я? Я далъ слово, что исполню ея просьбу.

АЛЕКСАНДРЪ. Весьма похвально!

ЯКОВЪ (мягко). Ты извини меня, Саша, но такая жизнь, какъ твоя... эти ночные кутежи...

АЛЕКСАНДРЪ. Кто-же устраиваетъ кутежи днемъ?

СОФЬЯ. Ты посмотри, какое у тебя лицо. И ты уже лысѣешь...

АЛЕКСАНДРЪ. Лицо энергичнаго человѣка, а лысина придаетъ ему солидность. Я блѣденъ, потому что утомленъ ежедневными поисками куска хлѣба... мои родители произвели меня на свѣтъ, но не позаботились обезпечить средствами для приличной жизни...

СОФЬЯ (тихо). Я прошу тебя перестать...

АЛЕКСАНДРЪ. Почтенный папаша много бралъ взятокъ въ городѣ, но мало въ клубѣ за карточнымъ столомъ...

ЯКОВЪ (тоскливо). Какой цинизмъ, Саша...

СОФЬЯ (спокойно и убито). Ты понимаешь, что говоришь?

АЛЕКСАНДРЪ. Вполнѣ. И вотъ, благодаря неудачной игрѣ отца, я оказался въ полномъ проигрышѣ.

ЯКОВЪ. Ужасно, Александръ, ужасно! Будь милосердъ — уйди! За что ты мучаешь мать?

АЛЕКСАНДРЪ. Cher oncle, двадцать пять рублей и — я уйду!

ЯКОВЪ. Возьми, пожалуйста... на столѣ подъ прессомъ. Но — я спрашиваю — неужели тебѣ не жалко мать?

АЛЕКСАНДРЪ (искренно). А кто пожалѣетъ распутнаго молодого человѣка — кандидата въ помощники полицейскаго пристава? Мнѣ предстоитъ бить морды человѣческія, брать взятки, понемногу и — получить въ животъ пулю революціонера... Какъ вамъ нравится эта блестящая карьера? (Насильственно смѣясь, уходитъ).

ЯКОВЪ (не сразу). Какъ онъ похожъ на своего отца!

СОФЬЯ. Я не знаю, какъ надо говорить съ нимъ, что сказать ему. Зачѣмъ ты далъ ему денегъ? Онъ снова будетъ пить всю ночь.

ЯКОВЪ. Но что-же дѣлать? Надо-же было, чтобы онъ ушелъ!

СОФЬЯ. Мы тебя ограбимъ, Яковъ... Зачѣмъ ты съ нами?

ЯКОВЪ. Оставь, дорогая Соня. Я хочу быть полезенъ тебѣ и съумѣю, ты увидишь! Вотъ, пріѣдетъ Иванъ...

СОФЬЯ. Твоихъ денегъ не на долго хватитъ...

ЯКОВЪ. Но развѣ только деньги, Соня...

СОФЬЯ. Намъ ничего не нужно, кромѣ денегъ...

ФЕДОСЬЯ. Сонюшка, Андрюша-то Рязановъ — живъ-ли?

СОФЬЯ (громко). Умеръ, няня. Я тебѣ говорила.

ФЕДОСЬЯ (качая головой). Да, да... Застрѣлили его... да...

СОФЬЯ (равнодушно). Это Бородулина застрѣлили...

ФЕДОСЬЯ. Да, помню, помню.... Андрюша-то опился... Тоже мой выкормокъ... Много ихъ...

СОФЬЯ (взглянувъ на старуху). Ты знаешь, что Рязановъ сѣкъ крестьянъ въ ея деревнѣ.... можетъ быть родственниковъ своей няньки.

ЯКОВЪ. Почему ты говоришь объ этомъ?

СОФЬЯ. Не знаю... Такъ...

ФЕДОСЬЯ. Да... мно-ого!

ЯКОВЪ (тихо проситъ). Я хочу поговорить съ тобой о Любѣ. Можно?

СОФЬЯ (подозрительно). Что такое?

ЯКОВЪ. Мнѣ кажется, она что-то чувствуетъ... чего-то ищетъ...

СОФЬЯ. Всѣ теперь чего-то ищутъ...

ЯКОВЪ. Съ нею обращаются грубо...

СОФЬЯ. Я?

ЯКОВЪ. О, нѣтъ, конечно. Ты только... менѣе внимательна къ ней...

СОФЬЯ. Она тоже нехорошо относится ко мнѣ... Впрочемъ, она со всѣми одинакова...

ЯКОВЪ (тихо, намекая). Кромѣ меня, Соня...

СОФЬЯ (помолчавъ). Нѣтъ! Она не можетъ знать! (Съ силою.) И не должна знать, Яковъ! (Порывисто, тихо.)

Я мучительно люблю это несчастное существо, я люблю... Но моя любовь — трусливое чувство виноватой, я боюсь, что вскроется моя вина передъ нею и — люблю ее издали, не смѣю подойти къ ней, говорить съ нею...

ЯКОВЪ. Это напрасно, Соня! Скажи ей, скажи...

СОФЬЯ. Не могу...

ЯКОВЪ. Потомъ, не сейчасъ, но — скажи... Теперь ты слишкомъ мрачно настроена... это проклятое, безумное время подавляетъ тебя...

СОФЬЯ. Я тоже ищу. Я хочу понять, что мнѣ дѣлать? Вѣдь дѣти мои погибаютъ, Яковъ! Я спрашиваю себя — гдѣ ты была до этой поры? Чѣмъ вооружила дѣтей для страшной жизни?

ЯКОВЪ. Голубушка — спокойнѣе!... Кто-же зналъ...

СОФЬЯ. Я спокойна — Господи Боже мой! Я все думаю, думаю, но я спокойна!

ЯКОВЪ. Нѣтъ, Соня! — Это глупое покушеніе на жизнь Ивана и затѣмъ его отставка ошеломили тебя, ты растерялась — понятно! И къ тому-же дикій вой газетъ... онѣ клевещутъ, сочиняютъ...

СОФЬЯ. Ты говоришь по совѣсти — онѣ клевещутъ?

ЯКОВЪ (не глядя на нее). Онѣ преувеличиваютъ... Иванъ, конечно, не очень... онъ слишкомъ...

СОФЬЯ. Нѣтъ, будемъ правдивы. Мы знаемъ, что газеты не клевещутъ...

ЯКОВЪ. Ахъ, Соня... Это, должно быть, страшно трудно — остаться честнымъ, имѣя пятерехъ дѣтей...

СОФЬЯ. Не говори такъ! Ты самъ себѣ не вѣришь...

ЯКОВЪ (сконфуженъ). Все противъ человѣка въ нашемъ обществѣ, вотъ, что я хотѣлъ сказать! Невозможно быть самимъ собой...

СОФЬЯ (все время ходитъ по комнатѣ, сняла цвѣты съ головы няньки, бросила ихъ въ уголъ). Человѣка, имѣющаго пятерыхъ дѣтей, мы знаемъ лучше газетъ. Намъ извѣстно, что этотъ человѣкъ кутила и развратникъ, онъ устроилъ игорный домъ рядомъ съ комнатами, гдѣ спали

его дѣти. Какія женщины бывали у него! Онъ оскорблялъ свою жену непрерывно десять лѣтъ — сколько любовницъ имѣлъ онъ! Развѣ не онъ развратилъ Александра? А почему я не умѣла помѣшать этому? Онъ пьяный уронилъ Любу на полъ, сдѣлалъ ее уродомъ — какъ я могла допустить? Поздно думать объ этомъ? Поздно, да, я знаю...

ЯКОВЪ (качая головой). Какъ ты ошиблась однажды...

СОФЬЯ. Я это знаю... Ты — мягокъ... да, съ тобой было-бы спокойнѣе жить... Ты честный человѣкъ. Мнѣ было тридцать пять лѣтъ, когда я догадалась объ этомъ, а Любѣ ужъ было десять. Десять лѣтъ я не думала о тебѣ... забыла про тебя и вспомнила въ годъ, когда Иванъ, помѣщикъ, дворянинъ — пошелъ служить въ полицію. Ты застрѣлился-бы, но — не пошелъ! И вотъ десять лѣтъ пытки и униженій и для меня, и для него. Какъ онъ быстро развратился, прогнилъ... Когда въ него стрѣляли, мнѣ стало жалко его, я готова была простить ему все, что можно... Но онъ велъ себя такъ унизительно, трусливо...

Изъ столовой идетъ докторъ Лещъ, человѣкъ среднихъ лѣтъ, съ больнымъ желтымъ лицомъ. Онъ шагаетъ осторожно, прислушивается, предупредительно кашляетъ.

ЯКОВЪ. Войдите...

ЛЕЩЪ. Могу?

ЯКОВЪ. Да... да...

ЛЕЩЪ. Если помѣшалъ — приношу извиненія! Вамъ сказала Надя о томъ, что подозрѣваемый въ покушеніи заболѣлъ?

СОФЬЯ. Да... А зачѣмъ я должна знать это?

ЛЕЩЪ (поучительно). Человѣкъ этотъ не можетъ быть безразличенъ для васъ; странно вы говорите! Вы непосредственно заинтересованы въ томъ, чтобы онъ понесъ должное наказаніе — какъ-же иначе! (Считаетъ пульсъ Якова, глядя въ потолокъ.) Какъ спали?

ЯКОВЪ. Плохо.

ЛЕЩЪ. А сердце?

ЯКОВЪ. Замираетъ...

СОФЬЯ. Онъ не сознается?

ЛЕЩЪ. Нѣтъ! — Аппетитъ?

ЯКОВЪ. Плохой. Ванны меня ослабляютъ...

ЛЕЩЪ. Я это предвидѣлъ, разумѣется.

СОФЬЯ. Можетъ быть дѣйствительно не онъ стрѣлялъ?

ЛЕЩЪ. Не знаю. Меня это не касается. — Ванны надо продолжать.

ФЕДОСЬЯ (улыбаясь). Докторъ, полѣчилъ-бы ты меня, а? Полѣчи-ка! (Тихонько смѣется, точно торжествуя.)

ЛЕЩЪ (солидно). Далѣе... Александръ можетъ получить должность помощника пристава, но это будетъ стоить пятьсотъ рублей.

СОФЬЯ. Надо дать взятку?

ЛЕЩЪ. А какъ-же? Разумѣется!

СОФЬЯ. У насъ нѣтъ денегъ.

ЛЕЩЪ. Несомнѣнно. Но я думаю, дядя Яковъ понимаетъ насущную необходимость всей семьи...

СОФЬЯ. У него тоже нѣтъ денегъ...

ЛЕЩЪ (пристально глядя на нее). Сенсаціонно. И... странный тонъ — какъ будто эту взятку требую у васъ я самъ!

ЯКОВЪ (торопливо). Это несовсѣмъ вѣрно, Соня, я могу дать пятьсотъ...

СОФЬЯ (зятю). Вамъ кажется, что Александръ будетъ на мѣстѣ въ полиціи.

ЛЕЩЪ. Я, какъ вамъ извѣстно, человѣкъ правдивый и скажу прямо — полиція, это единственное учрежденіе, гдѣ вашъ сынъ можетъ служить. Я отношусь къ нему отрицательно и не скрываю это даже отъ него. Разумѣется, въ немъ есть и добрыя чувства, но въ общемъ — это анархистъ, человѣкъ, лишенный внутренней дисциплины, существо съ расшатанной волей... недоучившійся юнкеръ...

СОФЬЯ. Когда вы осуждаете людей, вы говорите охотно, но ужасно длинно.

ЛЕЩЪ (любезно). Тутъ виновато обиліе недостатковъ въ людяхъ...

СОФЬЯ (Якову). Мнѣ не хочется, чтобы Александръ служилъ въ полиціи...

ЯКОВЪ (бормочетъ). Что-же дѣлать?...

ЛЕЩЪ. Не вижу, гдѣ-бы онъ могъ служить кромѣ, положительно не вижу. У него есть нѣкоторая военная выправка, онъ былъ вольноопредѣляющимся, имѣетъ какой-то чинъ. Я думаю, онъ будетъ недурнымъ полицейскимъ... для провинціи, разумѣется.

ЯКОВЪ (осторожно). Главное, Соня, онъ уйдетъ изъ дома, и дѣти избавятся отъ его вліянія... Ты позволь мнѣ дать эти деньги...

СОФЬЯ (пожимая плечами). Я не понимаю, что надо дѣлать.

ЯКОВЪ. Деньги — кому?

ЛЕЩЪ. Я далъ слово, что не назову имени лица, которое желаетъ получить деньги.

ЯКОВЪ (смущенно). Конечно... понимаю...

ЛЕЩЪ. Не очень пріятное порученіе давать взятки... Что, скоро обѣдъ?

СОФЬЯ. Идемте. (Помогая Якову встать.) Вотъ я и продала сына...

ЛЕЩЪ (наставительно). Продавая — получаютъ деньги...

СОФЬЯ. На душѣ у меня... нехорошо...

ЯКОВЪ (тяжело двигая ногами). Что дѣлать! Безъ взятокъ не работаетъ машина нашей жизни...

ЛЕЩЪ (идя за ними). Безъ денегъ — невозможна личная независимость...

Изъ столовой, навстрѣчу имъ, идетъ Надежда.

ЛЕЩЪ. Ты что?

НАДЕЖДА. На минуту, Павелъ... (Ведетъ его назадъ въ комнату Якова, тихо.) Получилъ?

ЛЕЩЪ (недовольно). Какъ это неосторожно и не корректно... точно я спрячу эти деньги отъ тебя, фу!

НАДЕЖДА (цѣлуя его). Милый Пашка — не сердись! Пятьсотъ, да? А ты получишь — двѣсти?

ЛЕЩЪ. Тише!

НАДЕЖДА. И купишь мнѣ крестъ изъ гранатъ, помнишь, ты обѣщалъ? Ты долженъ подарить мнѣ этотъ крестъ — вѣдь планъ мой!

ЛЕЩЪ. Я, разумѣется, сдержу слово. Идемъ-же! Тамъ садятся за столъ... Что за шумъ?

Прислушиваются.

НАДЕЖДА (удивленно). Пріѣхалъ отецъ!

ЛЕЩЪ. Гм... неожиданно!

ИВАНЪ (въ столовой). Почему меня никто не встрѣтилъ?

СОФЬЯ. Кто-же зналъ, что ты пріѣдешь сегодня...

ИВАНЪ. Но я послалъ вамъ телеграмму.

СОФЬЯ. Не кричи!

ЛЕЩЪ. Подождемъ здѣсь, пока онъ остынетъ.

НАДЕЖДА (вздыхая). Ахъ, этотъ комикъ папка!

ИВАНЪ (въ дверяхъ столовой). Вы боитесь проѣхать по улицѣ рядомъ съ человѣкомъ, котораго злодѣи осудили на смерть, хотя человѣкъ этотъ вашъ отецъ, да?

СОФЬЯ. Садись, ѣшь, Иванъ...

ИВАНЪ (идетъ въ комнату Якова). Я не хочу вашихъ объѣдковъ! Надежда, почему меня никто не встрѣтилъ?

НАДЕЖДА. Мы не знали.

ИВАНЪ. Неправда! А, Господа! Я понимаю васъ! Съ того дня, какъ я не служу — цѣна мнѣ упала въ вашихъ глазахъ...

ЛЕЩЪ. Вы-бы поздоровались прежде...

ИВАНЪ. Что? Здравствуйте...

ЛЕЩЪ. Преступникъ, который...

ИВАНЪ. Который поднялъ безумную руку на меня — что онъ?

ЛЕЩЪ. Заболѣлъ острымъ разстройствомъ нервовъ...

ИВАНЪ. Это его не оправдаетъ, нѣтъ, шалишь!

ЛЕЩЪ. Ну, да; но его нельзя судить...

ИВАНЪ. Почему? (Онъ опускается на диванъ.)

Въ дверяхъ столовой стоятъ Петръ, Вѣра, Софья, потомъ Александръ. Изъ двери за ширмами въ комнату Якова входитъ Любовь, останавливается у кресла няни, задумчиво гладитъ рукой ея щеку; старуха что-то бормочетъ, тихонько смѣется, кивая головой. Лещъ и Надежда около Ивана. Въ столовой горничная.

ИВАНЪ. Это поразительно! За то, что я не позволилъ застрѣлить себя, меня безчестятъ всѣ газеты и даже принуждаютъ уйти со службы... а извергамъ, убійцамъ — мирволятъ, потому что у нихъ, видите-ли, слабые нервы! И называютъ это — конституціей! Какъ жить, спрашиваю я васъ, какъ жить?

СОФЬЯ (уходя въ столовую). Садитесь за столъ.

ИВАНЪ. Развѣ пойдетъ мнѣ кусокъ въ горло!

АЛЕКСАНДРЪ. А ты выпей водки и онъ пойдетъ!

ИВАНЪ. Почему ты не встрѣтилъ меня на вокзалѣ?

АЛЕКСАНДРЪ. Ну, брось это!

ИВАНЪ (почти искренно). Нѣтъ, мнѣ обидно.... Развѣ я не заслужилъ вашего вниманія, дѣти, а?

ЯКОВЪ (изъ столовой). Да перестань-же, Иванъ...

ЛЮБОВЬ (подходитъ къ отцу, холодно). Вы скоро кончите эту жалкую сцену?

ИВАНЪ (встаетъ). Жалкую? (Ко всѣмъ.) Такъ она говоритъ объ отцѣ своемъ, который на службѣ престолу и порядку...

ЛЮБОВЬ (спокойно). Пропустите меня, я хочу ѣсть...

ИВАНЪ. Чей хлѣбъ ты идешь ѣсть, горбатая дрянь?

ЯКОВЪ (кричитъ). Иванъ! Ахъ, Боже мой...

ЛЮБОВЬ (спокойно, громко). Я буду ѣсть хлѣбъ вашего брата.

СОФЬЯ. Иванъ, ты-бы постыдился хоть горничной...

ИВАНЪ (оглядываясь). Какъ? Что такое?

ЛЮБОВЬ. Вы не смѣете говорить мнѣ грубости...

ИВАНЪ (растерянно оглядываясь). Это — это новость...

ЯКОВЪ (поддерживаемый подъ руку Петромъ, взволнованный, тихо). Что вы? Вы съ ума сошли! Иванъ!... Иди... иди!

ИВАНЪ (уходя). Я не буду ѣсть, если она сядетъ за одинъ столъ со мной...

Всѣ идутъ за нимъ, Яковъ, Петръ и Любовь остаются одни.

ЯКОВЪ (тихо). Что съ тобой, Люба?

ЛЮБОВЬ (спокойно). А какъ ты думаешь?

Подъ ея взглядомъ онъ наклоняетъ голову, Петръ подозрительно смотритъ на нихъ.

ИВАНЪ (въ столовой, горестно). Откуда могъ явиться въ моей семьѣ этотъ злой духъ вражды?

АЛЕКСАНДРЪ. Твое здоровье, папа!

Яковъ и Петръ молча идутъ къ столу. Любовь осталась одна, оглядывается, кутаясь въ свою шаль.

ФЕДОСЬЯ (наклоняясь въ креслѣ смотришь на нее съ улыбкой, манитъ къ себѣ и шепчетъ). Поди сюда, Любушка, поди сюда... Что онъ кричитъ, воевало-то нашъ.

ЛЕЩЪ (въ столовой). Съ пріѣздомъ и за осуществленіе всѣхъ желаній нашей тѣсной семьи!

Занавѣсъ.

II.

Часть столовой — скучный уголъ со старинными часами на стѣнѣ. Солидный буфетъ и большой столъ, уходящій наполовину за предѣлы сцены. Широкая арка, занавѣшенная темной драпировкой, отдѣляетъ столовую отъ гостинной; гостинная глубже столовой, тѣсно заставлена старой мебелью. Въ правомъ углу горитъ небольшая электрическая лампа, подъ нею на кушеткѣ Вѣра, съ книгой въ рукахъ. Между стульевъ ходитъ Петръ, точно ищетъ чего-то. Въ глубинѣ у окна Любовь, она встала колѣнями на стулъ, держится за спинку и смотритъ въ окно.

ВѢРА. Слушай, Люба! (Читаетъ.)

«Звѣзды ясныя, звѣзды прекрасныя»
«Нашептали цвѣтамъ сказки чудныя...»

Петръ, не вертись, ты мнѣ мѣшаешь!

ПЕТРЪ (бормочетъ). Это скучно, Вѣрка.

ВѢРА (продолжаетъ читать).

«Лепестки улыбнулись атласные,»
«Задрожали листы изумрудные»
«И цвѣты, опьяненные росами...»

ПЕТРЪ (тихо, упрямо). Мнѣ нужно знать правду...

ЛЮБОВЬ (оборачиваясь къ нему). Ты не разсказывай мамѣ о твоей ссорѣ.

ПЕТРЪ (подозрительно). Почему?

ВѢРА (съ досадой). Какъ ты мнѣ мѣшаешь, Петька!

ЛЮБОВЬ. Зачѣмъ волновать ее?

ПЕТРЪ (упрямо). А если онъ былъ правъ, Максимовъ-то?

ВѢРА (горячо, упрекая). Какъ тебѣ не стыдно, Петръ! Ты не смѣешь думать о папѣ скверно!

ПЕТРЪ (задумчиво). Молчи, Вѣрка, ты глупая...

ВѢРА. А ты — зазнаешься...

ПЕТРЪ (настойчиво). Почему ты не отвѣчаешь, Любовь?

ВѢРА. Познакомился съ интереснымъ человѣкомъ и задираешь носъ...

ЛЮБОВЬ (сходитъ со стула). Что я тебѣ отвѣчу!

ПЕТРЪ. Ты старшая, ты должна знать... Онъ кричалъ, что папа взяточникъ и трусъ, и...

ВѢРА (вскакивая). Не смѣй повторять при мнѣ эти гнусности, а то я скажу мамѣ...

ПЕТРЪ (пытливо смотритъ на нее). Иди, скажи! Ну?

ВѢРА (бѣжитъ). И пойду! Думаешь — нѣтъ?

ЛЮБОВЬ (обезпокоена). Вѣра, не надо! Это — плохо, Петръ!

ПЕТРЪ. Да, плохо, когда про отца такъ говорятъ... Любовь, правда, что онъ приказалъ избить арестованныхъ и двое умерли? И что этого не нужно было дѣлать. Правда?

ЛЮБОВЬ (не вдругъ). Послушай, Петръ, я не увѣрена, что нужно говорить правду...

ПЕТРЪ. Мнѣ?

ЛЮБОВЬ. Всѣмъ здѣсь...

ПЕТРЪ. Почему?

ЛЮБОВЬ. Мнѣ кажется — это безполезно.

ПЕТРЪ (недовѣрчиво). Правда безполезна! Не понимаю...

ЛЮБОВЬ. Если ты станешь сѣять хлѣбъ на болотѣ — развѣ онъ созрѣетъ? Или — расцвѣтутъ цвѣты, посаженные поздней осенью въ холодную землю...

ПЕТРЪ (подумавъ, обиженно). Ага, ты считаешь меня ничтожествомъ, да? Этого и надо было ожидать. Ты —

злая, ты злишься на весь міръ за свой горбъ... Я не хочу говорить съ тобой... (Идетъ.)

ЛЮБОВЬ (усмѣхаясь). Если-бы тебѣ сказалъ правду красивый человѣкъ красивыми словами, ты, можетъ быть, повѣрилъ-бы ему, а мнѣ... ты не повѣришь — я горбата. Кассандра, навѣрное, была уродомъ, вотъ почему ей не повѣрили...

ПЕТРЪ (вдумчиво). Не путай, это не нужно мнѣ. Все равно я узнаю. (Помолчавъ, печально.) И прости меня... мнѣ нехорошо... я тоже злюсь...

ЛЮБОВЬ (тихо). Тебя — жалко.

ПЕТРЪ (угрюмо). А я... не хочу лгать — мнѣ, кажется, никого не жалко! (Идетъ.)

ЛЮБОВЬ (серьезно). Ты думаешь, молчаніе — ложь?

ПЕТРЪ. А что-же? Конечно — ложь.

Любовь стоитъ среди комнаты, лицо у нея суровое, брови нахмурены. По столовой идетъ Надежда въ капотѣ, съ распущенными волосами.

НАДЕЖДА. Вѣрка здѣсь? Вотъ дрянь дѣвченка — растаскала всѣ мои шпильки. Что это у тебя такое совиное лицо?

ЛЮБОВЬ. Да?

НАДЕЖДА. Мнѣ страшно подумать, что будетъ изъ этой Вѣрки! По моему — она опасная дѣвочка, такъ своенравна. Не понимаю, чего смотритъ мама. И ты тоже становишься какой-то ненормальной. Впрочемъ, ты всегда такая была. Ты ничего не дѣлаешь, это вредно. Вотъ помогала-бы мамѣ слѣдить за Вѣрой, право это нужно...

ЛЮБОВЬ. Отецъ легъ спать?

НАДЕЖДА. Какъ всегда. А я начала одѣваться на вечеръ къ прокурору, да рано еще...

ЛЮБОВЬ (улыбаясь, осматриваетъ ее). Тебѣ не скучно жить, Надя?

НАДЕЖДА. Н-но! Съ такимъ красивымъ тѣломъ, какъ мое? Скучаютъ только ненормальные люди.

ЛЮБОВЬ. Это говоритъ твой Лещъ?

НАДЕЖДА. У меня есть свой языкъ.

ЛЮБОВЬ. А — мысли?

НАДЕЖДА. Не трудись напрасно, меня не уколешь... Ага, вотъ Вѣрка. Ну, я ей покажу, какъ хватать чужія вещи.

Надежда быстро уходитъ. Изъ двери справа идетъ Ѳедосья.

ФЕДОСЬЯ. Любушка, милая. Александръ, озорникъ, вязанье у меня спряталъ куда-то — поискала-бы ты...

ЛЮБОВЬ (беретъ съ дивана вязанье и даетъ нянькѣ). Вотъ оно.

ФЕДОСЬЯ. Ишь, бездѣльникъ. Няньчила, гадала — богатырь ростетъ, выпяньчила міру захребетника...

ЛЮБОВЬ (усмѣхаясь). Это вѣрно, няня, не удались тебѣ питомцы... не удались.

ФЕДОСЬЯ. Ась? (Оглядывается, садится у стола, распутывая свое вязанье, и, какъ всегда, что-то шепчетъ.)

По столовой, разговаривая, проходятъ Петръ и Софья, потомъ Софья садится на кушетку, Петръ на полъ, къ ея ногамъ. Затѣмъ вбѣгаетъ Вѣра, садится рядомъ съ матерью, поправляя растрепанную прическу.

ПЕТРЪ (задумчиво). Мы пили чай, и онъ говорилъ, что настанетъ время, когда люди будутъ летать по воздуху такъ-же легко и просто, какъ теперь ѣздятъ на велосипедахъ...

СОФЬЯ. А о политикѣ вы съ нимъ не говорили?

ПЕТРЪ. И о политикѣ. Онъ обо всемъ говоритъ удивительно интересно. И такой все любящій онъ...

СОФЬЯ (настойчиво). А что онъ говорилъ о политикѣ?

ЛЮБОВЬ (иронически). Эхъ, мама, мама!

ПЕТРЪ (вспоминая). Я позабылъ... Это тоже было хорошо. У него такіе добрые, грустные глаза, голосъ мяг-

кій, звучный. Но мнѣ кажется — онъ не жалѣетъ людей. Онъ сказалъ: погибнутъ сотни сильныхъ, тысячи слабыхъ...

СОФЬЯ (тревожно). Отчего погибнутъ?

ПЕТРЪ (улыбаясь). Не помню... или, скорѣе, не понялъ я...

СОФЬЯ (осторожно). Тебя не кажется, что онъ — революціонеръ?

ПЕТРЪ (протестуя). Такой всёлюбящій? Нѣтъ, мама, что ты!

СОФЬЯ (вздохнувъ). Они хитрые, Петя...

ВѢРА (матери). Ты поругала Петьку?

СОФЬЯ (торопливо). Да, да... Ну, разсказывай...

ПЕТРЪ. Потомъ пришла барышня, Наталья Михайловна, и стала говорить о книгахъ...

ВѢРА (ласкаясь). Мама, пусти меня къ нему! Вѣдь вотъ у него бываютъ барышни...

СОФЬЯ. Это неудобно. Я не знаю его.

ЛЮБОВЬ. А ты находишь удобнымъ для Вѣры знакомство съ Якоревымъ?

СОФЬЯ. Якорева знаетъ отецъ...

ЛЮБОВЬ. Развѣ это дѣлаетъ его приличнѣе?

СОФЬЯ. Подожди, Люба... (Петру.) Онъ знаетъ, что ты сынъ Коломейцева?

ПЕТРЪ (не сразу). Ну, конечно! (Встаетъ, отходитъ прочь, сердито бормочетъ.) Сынъ Коломейцева... Ты говоришь объ этомъ, какъ о заразной болѣзни...

ВѢРА. Слышишь, мама? Вотъ дрянь Петька!.... Мама, пригласи его къ намъ, хорошо?

СОФЬЯ. Я подумаю.

ВѢРА. Ахъ, Господи, у насъ такъ скучно! Ходятъ одни полицейскіе, притворяются военными...

Иванъ вошелъ въ столовую, заложилъ руки за спину, посмотрѣлъ на часы и погрозилъ имъ пальцемъ. Открылъ буфетъ, налилъ вина, выпилъ,

покачалъ головой и, расправляя усы, заглянулъ въ гостинную.

ФЕДОСЬЯ. Софьюшка, ты-бы женила Александра-то! Вѣрочкѣ замужъ пора... Дѣтей-то сколько будетъ, а? (Беззвучно смѣется.)

Петръ остановился передъ ней, смотритъ хмуро.

ИВАНЪ. Тутъ есть кто-нибудь?

СОФЬЯ. Дѣти.

ИВАНЪ. А ты?

СОФЬЯ. Что я?

ИВАНЪ. Ты съ ними?

СОФЬЯ. Ну, да...

ИВАНЪ. Такъ ты должна была сказать — я и дѣти! Почему такъ темно? Вы знаете, что я люблю свѣтъ, огонь!

ФЕДОСЬЯ (бормочетъ). Въ поле выѣхали, горе выманили, а огнемъ его печь, востры саблями сѣчь...

Петръ зажигаетъ всѣ лампы. Софья смотритъ печально, Вѣра робко, Любовь насмѣшливо.

ИВАНЪ (медленно шагаетъ по комнатѣ и важно жестикулируетъ). Вынужденное бездѣлье утомляетъ того, кто привыкъ видѣть вокругъ себя людей занятыхъ серьезнымъ, государственнымъ дѣломъ. Ты почему не учишь уроки, Петръ?

ПЕТРЪ (внимательно разсматривая отца). Я уже кончилъ.

ИВАНЪ. Вѣроятно, врешь. А завтра тебя, какъ болвана, оставятъ безъ обѣда въ классѣ, и отецъ будетъ страдать отъ стыда. Меня удивляетъ, какъ вы живете — никто ничего не дѣлаетъ...

ЛЮБОВЬ. Научи насъ работать.

ИВАНЪ. Х-хе! Работать! Что ты можешь?

ЛЮБОВЬ (спокойно). Я недурно рисую и могла-бы, напримѣръ, дѣлать фальшивыя деньги.

ИВАНЪ (шагаетъ къ ней). Я тебя... (Встрѣчая ея взглядъ, кончаетъ мягче.) Прошу выйти! Петръ и

Вѣра!... тоже маршъ! Мнѣ нужно поговорить съ матерью.

Вѣра и Петръ уходятъ быстро, Любовь идетъ медленно, въ столовой конецъ ея шали зацѣпился за стулъ, она останавливается. Федосья поднимаетъ голову, смотритъ на Ивана, онъ замѣчаетъ ее.

ИВАНЪ. А эта старая сова зачѣмъ здѣсь торчитъ? Ей въ богадѣльню пора, я говорю!

СОФЬЯ. Оставь, Иванъ...

ИВАНЪ (громко). Нянька — уйди! Слышишь?

ФЕДОСЬЯ (поднимаясь). Слышу, чай... Не изъ дерева сдѣлана... (Идетъ въ столовую.)

ИВАНЪ. Вотъ что, Софья, я рѣшилъ заняться благоустройствомъ дома...

СОФЬЯ. Чужого.

ИВАНЪ (строго). Это домъ моего брата! А когда Яковъ умретъ — домъ будетъ мой. Не перебивай меня глупостями. Итакъ, мнѣ, я вижу, необходимо лично заняться благоустройствомъ дома и судьбою дѣтей. Когда я служилъ, я не замѣчалъ, какъ отвратительно они воспитаны тобой, теперь я имѣю время исправить это и сразу принимаюсь за дѣло. (Подумавъ.) Прежде всего, нужно въ моей комнатѣ забить окно на улицу и прорѣзать дверь въ корридоръ. Затѣмъ, Любовь должна работать — замужъ она, конечно, не выйдетъ — кто возьметъ урода, да еще злого!

Любовь уже распутала шаль, при словахъ Ивана о ней, она дѣлаетъ движеніе, видимо хочетъ идти въ гостинную, тихій голосъ матери останавливаетъ ее.

СОФЬЯ. Не забывай, по чьей винѣ она горбата.

ИВАНЪ (негромко). Я помню, помню-съ! Вы двадцать тысячъ разъ упрекали меня этимъ. (Тише.) Ты, можетъ

быть, сказала ей, и потому она такъ злится на меня? Сказала?

СОФЬЯ (озлобляясь). Нѣтъ, я не говорила... я не знаю — нечаянно ты уронилъ ее или бросилъ нарочно, изъ ревности.

Любовь, пораженная, уходитъ, качаясь на ногахъ.

ИВАНЪ (грозитъ). Разъ и навсегда — молчать объ этомъ! Я не знаю, кто уронилъ ее.

СОФЬЯ. Ты — пьяный.

ИВАНЪ (тихо, наклоняясь къ ней). А почему не ты? Какъ ты докажешь, что не ты? Ага! Ты не бывала пьяной? И прошу не забывать — я не увѣренъ, что Любовь моя дочь, а не племянница.

СОФЬЯ (въ лицо ему, злобно). И потому ты бросилъ ее тогда, да?

ИВАНЪ. Молчать!

СОФЬЯ. Какое ты имѣешь право говорить о моей невѣрности?... У тебя были десятки связей...

ИВАНЪ. Право? Я мужчина! Я могъ — вотъ мое право! Я — хотѣлъ! Я — умѣлъ, наконецъ!

СОФЬЯ. А я? Я не могла!

ИВАНЪ. А ты — не смѣла! Но... будетъ! Любовь должна работать, сказалъ я, пусть она возьметъ мѣсто учительницы гдѣ-нибудь въ селѣ. Дома ей нечего дѣлать и она можетъ дурно вліять на Вѣру, Петра... Дальше. Ковалевъ не прочь жениться на Вѣрѣ, но говоритъ, что ему нужно пять тысячъ.

СОФЬЯ (испуганно). Ковалевъ? Развратный и больной?

ИВАНЪ. А гдѣ я тебѣ возьму здороваго и нравственнаго зятя? Ты нашла мужа Надеждѣ? Она сама нашла его. А Вѣрка не можетъ, глупа. Но она слишкомъ бойка. Ковалевъ энергичный малый, онъ скоро будетъ помощникомъ полиціймейстера или исправникомъ... Ты должна убѣдить Якова, чтобы онъ далъ эти пять тысячъ... и намъ,

на расходы по свадьбѣ... (Съ усмѣшкой.) Онъ не можетъ отказать тебѣ... (Тревожно.) Ты что... что ты такъ смотришь? Что такое?

СОФЬЯ (тихо). Потемнѣло въ глазахъ.

ИВАНЪ (успокаиваясь). Лечись!

СОФЬЯ (испуганно, тоскливо). Я не вижу...

ИВАНЪ (съ досадой). Говорю — лечись! Вѣдь докторъ свой.

СОФЬЯ (тихо, оправляясь). Господи... какъ страшно...

ИВАНЪ (оглядываясь, угрюмо). У меня тоже темнѣетъ въ глазахъ, когда я выхожу на улицу. Вѣдь бомбисты убиваютъ и отставныхъ, имъ все равно... это звѣри! (Вдругъ говоритъ мягко и искренно.) Послушай, Соня, развѣ я злой человѣкъ?

СОФЬЯ (не вдругъ). Не знаю...

ИВАНЪ (усмѣхаясь). Проживъ со мною двадцать семь лѣтъ?

СОФЬЯ. Теперь все измѣнилось, стало непонятно и угрожаетъ. О тебѣ говорятъ ужасно...

ИВАНЪ (презрительно). Газеты! Чортъ съ ними...

СОФЬЯ. И люди. Газеты читаютъ люди... Иванъ, вдругъ дѣти узнаютъ... поймутъ, кто ты... и я... поймутъ, что мы оба...

ИВАНЪ (удивленно). Что поймутъ? Что узнаютъ?

СОФЬЯ (тоскливо). Зачѣмъ ты приказалъ бить арестованныхъ?

ИВАНЪ (тихо). Неправда! Ихъ били до ареста... они сопротивлялись...

СОФЬЯ (не глядя на него). И дорогой въ тюрьму — били!

ИВАНЪ (тревожно). Они сопротивлялись, пѣли пѣсни! Они не слушали меня. Ты-же знаешь, я горячь, я не терплю противорѣчія... Вѣдь это буйные, распущенные люди, враги царя и порядка... Ихъ вѣшаютъ, ссылаютъ на каторгу. Почему-же нельзя... нужно было заставить ихъ молчать.

СОФЬЯ. Двое убиты... двое...

ИВАНЪ. Что значитъ двое? Это слабые, истощенные безработицей люди, ихъ можно убивать щелчками въ лобъ... Солдаты были раздражены... (Замолчалъ, развелъ руками, говоритъ искренно.) Ну, да, конечно, я отчасти виноватъ... но — вездѣ — путанница... теряешь волю, живешь въ постоянномъ раздраженіи... всѣ виноваты... Софья, всѣ виноваты! Другіе дѣлаютъ несравненно болѣе жестокія вещи, чѣмъ я, — однако, въ нихъ не стрѣляютъ.

СОФЬЯ. Мы говоримъ не то, что нужно... нужно о дѣтяхъ говорить въ это страшное время... вѣдь оно губитъ больше всего дѣтей. Тѣ, двое убитыхъ, тоже были еще мальчики...

ИВАНЪ (пожимая плечами). При чемъ тутъ дѣти?

СОФЬЯ. А если они осудятъ?

ИВАНЪ (возмущенъ). Они? Они мнѣ судьи! Дѣти, кровь моя? Чортъ знаетъ, что ты говоришь! Какъ-же они смѣютъ упрекнуть отца, который ради нихъ пошелъ служить въ полицію. Ради нихъ потерялъ... очень много и, наконецъ, едва не лишился жизни...

ЛЕЩЪ (изъ столовой). Можно?

ИВАНЪ. Пожалуйста...

ЛЕЩЪ (осматривая обоихъ). Пришелъ Ковалевъ.

ИВАНЪ (женѣ). Иди къ нему. Я сейчасъ! Будь, э-э... любезнѣе съ нимъ и вообще — понимаешь?...

Софья молча уходитъ. Лещъ улыбается.

ИВАНЪ (недружелюбно). Что? Вамъ весело?

ЛЕЩЪ. Я тоже понимаю.

ИВАНЪ (строго). Да? Послушайте, почтеннѣйшій, я долженъ вамъ сказать, что ваши поступки могутъ скомпрометировать меня и... очень!

ЛЕЩЪ (поднимая брови). О? Это любопытно.

ИВАНЪ. Скажите, вы сколько дали по дѣлу объ устройствѣ Александра на службу?

ЛЕЩЪ. Триста.

ИВАНЪ. Но вы у брата взяли пятьсотъ!

ЛЕЩЪ. Фактъ.

ИВАНЪ. И гдѣ-же двѣсти?

Лещъ молча хлопаетъ себя по карману на груди.

ИВАНЪ. Но это... неудобно!

ЛЕЩЪ. Для меня?

ИВАНЪ. Вообще... Представьте — братъ узнаетъ!

ЛЕЩЪ. Кто ему скажетъ?

ИВАНЪ. Да вотъ я, напримѣръ, могу проговориться...

ЛЕЩЪ (серьезно). А вы будьте осторожнѣе! Запомните этотъ случай или забудьте его, какъ вамъ лучше.

ИВАНЪ (смущенно, но съ сердцемъ). Однако, вы такимъ тономъ говорите...

ЛЕЩЪ. Лучше забудьте, какъ, примѣрно, забыли доплатить мнѣ три тысячи приданаго за дочерью.

ИВАНЪ (мягче). На что вамъ деньги? Вѣдь есть, достаточно.

ЛЕЩЪ. Надя находитъ, что еще недостаточно.

ИВАНЪ. Гм... Да... Кстати, нѣтъ-ли у васъ... двадцати рублей?

ЛЕЩЪ. Это совсѣмъ не кстати. И — много.

ИВАНЪ (удивленно). Почему много?

ЛЕЩЪ. Двадцать рублей — это двадцать процентовъ.

ИВАНЪ (хочетъ разсердиться). Вы... вы что говорите, милостивый государь?

ЛЕЩЪ. Я вамъ дамъ десять — извольте! Не нужно? Какъ хотите. Долженъ сообщить вамъ новость: дочь разсыльнаго Федякова предъявляетъ къ вамъ искъ на содержаніе ребенка.

ИВАНЪ (возмущенъ). Вотъ подлая! Да чѣмъ-же она докажетъ, что ребенокъ мой?

ЛЕЩЪ. Разумѣется. Это — недоказуемо. Но будетъ еще скандалъ

ИВАНЪ. Какое свинство!

ЛЕЩЪ. А курьеръ Трусовъ думаетъ жаловаться на васъ...

ИВАНЪ. И онъ скотина!

ЛЕЩЪ. Да. У него лопнула барабанная перепонка отъ удара.

ИВАНЪ (подумавъ). Помните, есть басня — раненый левъ, котораго лягаютъ ослы? Вотъ это я — левъ!

ЛЕЩЪ. Вѣроятно.

ИВАНЪ (искренно). Да, да! Они тамъ боятся, что я снова буду служить и вотъ хотятъ оскандалить меня — дьявольскій планъ завистниковъ... Это — люди!

ЛЕЩЪ (протягивая деньги, серьезно). Горе побѣжденнымъ!

ИВАНЪ (принимая бумажку). Еще посмотримъ! Вы, дорогой мой, должны помочь мнѣ въ этихъ случаяхъ, вы, я знаю, все можете. У васъ великолѣпная голова.

Въ столовой появляется Надежда, очень нарядная декольтэ, съ крестомъ изъ красныхъ камней на голой шеѣ. Стоитъ и слушаетъ.

ИВАНЪ. Услуга за услугу — завтра въ клубѣ я познакомлю васъ съ Муратовымъ, знаете — купецъ, либералъ?

ЛЕЩЪ. Въ чемъ дѣло?

ИВАНЪ. У него въ тюрьмѣ племянникъ, за какія-то брошюры, знакомства... Нужно дать этому племяннику свидѣтельство о болѣзни, чтобы его выпустили... я его знаю, славный парень. А брошюры — случайность.

ЛЕЩЪ (серьезно). Если славный малый — надо ему помочь.

ИВАНЪ. Дядя его любитъ и боится за него. Онъ не пожалѣетъ рублей трехсотъ...

ЛЕЩЪ. Мало! Это — политика.

НАДЕЖДА (входитъ). Намъ пора идти, Павелъ...

ИВАНЪ (крутя усы). Какая дама, а? Семьсотъ чертей!

ЛЕЩЪ (уходя). Я на секунду загляну къ дядѣ Якову.

ИВАНЪ (вслѣдъ ему). Вы посмотрѣли-бы на жену, она жалуется на свои глаза... А ты, Надина, все хорошѣешь!

НАДЕЖДА. Оттого, что нѣтъ дѣтей...

ИВАНЪ (вздыхая). Да, Надя, они старятъ, они уродуютъ насъ, родителей. Дѣти, — какъ много въ этомъ словѣ... Изъ пятерыхъ — только ты радуешь мое сердце.

НАДЕЖДА (осторожно ласкаясь). Бѣдный мой папка! Тебѣ стало плохо жить. Раньше ты дарилъ своей Надинѣ разныя хорошенькія штучки, а теперь сталъ бѣденькій и не можешь порадовать свое сердце подаркомъ любимой дочуркѣ.

ИВАНЪ (огорченно). Да, чортъ возьми, не могу.

НАДЕЖДА. Знаешь что? Ты возьми денегъ у дяди...

ИВАНЪ. Это испробовано!

НАДЕЖДА. И подари мнѣ дюжину чулокъ, помнишь, ты покупалъ мнѣ шелковые чулки.

ИВАНЪ. Помню... Эхъ, Надя...

ЛЕЩЪ (входитъ). Я готовъ. (Ивану, негромко.) А дѣла дяди Якова — швахъ...

ИВАНЪ (тихо). Да ну?

ЛЕЩЪ. Сердце у него очень плохо, очень!

ИВАНЪ (озабоченно). Гм...

НАДЕЖДА. Ты, папа, долженъ-бы поговорить съ нимъ.

ИВАНЪ. Поговорить... Гм... О чемъ-же. Наслѣдникъ у него одинъ —я!

ЛЕЩЪ (многозначительно). Вы увѣрены? Идемъ, Надя...

НАДЕЖДА (подставляя отцу щеку для поцѣлуя). До свиданья!

ИВАНЪ (цѣлуя ее). Желаю веселиться, милая! Иди съ Богомъ... (Оставшись одинъ, онъ задумчиво подходитъ къ буфету, наливаетъ стаканъ вина, выпиваетъ и бормочетъ.) Поговорить? Н-да... Это надо сдѣлать тонко, деликатно...

Въ гостинную справа входитъ Петръ, садится въ кресло, закрывъ глаза и закинувъ голову. Иванъ смотритъ на часы, открываетъ дверцу,

переводитъ стрѣлку. Часы бьютъ восемъ. Петръ открываетъ глаза, оглядывается. Иванъ, насвистывая »Боже царя храни«, стоитъ посреди столовой хмурый и озабоченный. Петръ рѣшительно идетъ къ отцу.

ПЕТРЪ (взволнованно). Папа?

ИВАНЪ. Ну?

ПЕТРЪ. Я хочу спросить тебя...

ИВАНЪ. Что такое?

ПЕТРЪ. Это очень тяжело и страшно...

ИВАНЪ (присматриваясь къ нему). Не мямли!

ПЕТРЪ. Можетъ быть, это даже гадко... но — будь ласковъ со мной... позволь мнѣ быть искреннимъ...

ИВАНЪ. Ты всегда долженъ быть искреннимъ съ твоимъ отцемъ.

ПЕТРЪ. Я хочу поговорить съ тобой, какъ человѣкъ съ человѣкомъ...

ИВАНЪ (удивленъ). Ка-акъ? (Вдругъ догадался, схватилъ сына за плечо, тряхнулъ его и говоритъ упрекающимъ шопотомъ.) Ты — заболѣлъ? Уже заболѣлъ, скверный мальчишка, а? Ахъ, развратная дрянь — уже?

ПЕТРЪ (возмущенъ). Оставь меня... ты не понимаешь... я здоровъ!

ИВАНЪ (отпуская его). Врешь!?

ПЕТРЪ (тихо). Прошу тебя, папа, оставь!

ИВАНЪ (досадливо). Такъ что-же ты тутъ городилъ, дурачина? Ну, говори, въ чемъ дѣло!

ПЕТРЪ. Потомъ... я уже не могу сейчасъ!

ИВАНЪ. Безъ фокусовъ, ну?

ПЕТРЪ (быстро идетъ въ гостинную). Не могу!

ИВАНЪ (строго). Стой! Я говорю — стой!.. (Смотритъ на часы и успокаивается.) Жаль, что нѣтъ времени поймать тебя...

Держась за стѣну и стулья, идетъ Яковъ.

ИВАНЪ (смотритъ на брата съ сожалѣніемъ, чмокая губами). Что, братъ, плохо служатъ ноги, а? Да, братъ, старикашки мы съ тобой! Такъ сказать — два воина, уставшіе отъ битвъ...

ЯКОВЪ (очень взволнованъ, говоря, онъ заикается). Послушай... я вышелъ на твой голосъ...

ИВАНЪ (извиняясь). Да, я тутъ крикнулъ. Нельзя, знаешь, — отецъ! Ты сядь. Ты помнишь, — два гренадера... (Растроганно, но фальшиво поетъ.)

Во-о Францію два гренадера
Изъ русскаго плѣна брели...
И об-ба они...

(Забылъ слова.) Да-а... Но, извини, Яша, я ухожу...

ФЕДОСЬЯ (идетъ). Чего ты, Яша, ходишь одинъ, упадешь еще, ахъ, ты...

ЯКОВЪ. Пожалуйста, останься — я прошу!.. Мнѣ нужно поговорить съ тобой...

ИВАНЪ (взглянувъ на часы). Не могу, дружище! Мнѣ необходимо нужно идти, да...

ЯКОВЪ. Это важно... Я хочу говорить о Любѣ...

ИВАНЪ (нахмурясь). Гм... Ты такъ слабъ сегодня. Мнѣ тоже нужно о многомъ говорить съ тобой... о дѣтяхъ... и еще разное тамъ... (Рѣшительно.) Но — не сегодня! Завтра, Яковъ! Да, завтра, другъ мой!

Уходитъ, прежде чѣмъ братъ успѣваетъ сказать ему.

ЯКОВЪ (вслѣдъ). Иванъ, можетъ быть завтра я... (Махнувъ рукою, идетъ къ себѣ.)

ФЕДОСЬЯ. Опять пошелъ вокругъ себя! (Идетъ, вязанье гащится за нею.) Прожилъ вѣкъ камнемъ — ни росту, ни сѣмени — чего искать теперь. Клады ищутъ — по полямъ рыщутъ... А я гляди за вами... стереги да береги... Уходитъ.

Въ гостинную быстро вбѣгаетъ Вѣра, она тащитъ за руку Якорева. Это молодой человѣкъ

въ формѣ околоточнаго, красивый. Слѣдомъ за ними идетъ Петръ, угрюмый и нервный.

ВѢРА. Садитесь и продолжайте.

ЯКОРЕВЪ. Вамъ не боязно?

ВѢРА. Все героическое немножко страшно, но — такъ и слѣдуетъ!

ЯКОРЕВЪ. Вѣрно. Ну-съ, такъ, значитъ, онъ выстрѣлилъ въ меня, я тотчасъ-же отвѣтилъ ему изъ моего Нагана и бросился на землю, чтобы лежа лучше стрѣлять и стараясь попасть ему, pardon, въ животъ, чтобы нанести тяжелую рану. Послѣ третьяго выстрѣла, одинъ изъ нападавшихъ, впослѣдствіи оказавшійся ученикомъ художественной школы Николаемъ Уховымъ, былъ мною раненъ легко въ колѣно...

ВѢРА (махая руками). Не такъ, не такъ!

ЯКОРЕВЪ (удивленно). Помилуйте, что вы? Сличите съ протоколомъ... я вамъ принесу копію!

ВѢРА (убѣжденно). Ненадо говорить такъ, какъ въ протоколѣ! Ненадо, понимаете?

ЯКОРЕВЪ (усмѣхаясь). Но если отступить отъ него, тогда будетъ неправда!

ВѢРА (топая ногой). Ахъ, какой вы! Петръ, объясни ему, какъ надо разсказывать страшное...

ПЕТРЪ (недовольно). Тебѣ, Якоревъ, пора-бы перестать объ этомъ...

ЯКОРЕВЪ. Почему-же? Странно.

ПЕТРЪ. Нечѣмъ тутъ гордиться...

ВѢРА. Неправда, Петька!

ЯКОРЕВЪ (обиженъ). Какъ нечѣмъ? Я подвергалъ жизнь опасности, и ты, дворянинъ, долженъ понимать...

ПЕТРЪ. А я не понимаю. Не хочу. А если пойму, такъ, можетъ быть, не подамъ тебѣ руки...

ВѢРА. Петька, что такое!

ЯКОРЕВЪ (вставая). Ты сталъ зазнаваться, Петръ. Если ты гордишься тѣмъ, что кончаешь гимназію, а меня исключили, то я считаю себя оскорбленнымъ...

ВѢРА (радостно). Браво! Вотъ видите, Якоревъ, вы можете говорить, какъ настоящій герой, благородно, горячо...

ЯКОРЕВЪ (повышая тонъ). Твое поведеніе я называю свинствомъ.

ВѢРА. Ай, не надо ругаться!

ПЕТРЪ (равнодушно). Иди ты къ чорту! Очень мнѣ нужно знать, какъ ты думаешь о моемъ поведеніи... Перестрѣлялъ какихъ-то мальчишекъ — а стрѣлялъ со страха..

ВѢРА. Врешь, Петька!

ЯКОРЕВЪ (возмущенъ). Я? Со страха?

ПЕТРЪ (лѣниво). Конечно. Испугался и давай палить безъ всякой надобности...

ЯКОРЕВЪ (угрожая). Это, мой другъ, слова серьезныя.

ПЕТРЪ (сестрѣ, насмѣшливо). Его подъ судъ надо отдать, а ты, дура, восхищаешься. Герой!

ВѢРА (растерянно). Да, герой... онъ — герой, только не умѣетъ разсказывать...

ЯКОРЕВЪ. Я ухожу, Вѣра Ивановна. Съ тобой, Петръ, я поговорю послѣ! Я тоже — дворянинъ...

ПЕТРЪ (усмѣхаясь). Дуэль, что-ли?

ВѢРА (въ тихомъ восторгѣ). Нѣтъ? Якоревъ, неужели дуэль? Петя, милый!

ЯКОРЕВЪ (многозначительно). Я посмотрю... подумаю... (Идетъ.)

ВѢРА (провожая его). Прекрасно, Якоревъ, вы — благородная душа! Это правда — Петька загордился. Онъ познакомился съ какимъ-то господиномъ, можетъ быть — революціонеромъ и съ той поры... (Уходятъ.)

Петръ подходитъ къ буфету, наливаетъ водки, пьетъ. Изъ своей комнаты торопливо, какъ только можетъ, идетъ Яковъ.

ЯКОВЪ. Дай мнѣ воду, Петя.

ПЕТРЪ. Это водка.

ЯКОВЪ. Водка? Зачѣмъ ты пьешь?

ПЕТРЪ. Такъ. Должно быть — отъ зубной боли.

ЯКОВЪ. Э-эхъ, Петя! Дай скорѣе воды...

ПЕТРЪ (подавая воду). Кто-нибудь плачетъ?

ЯКОВЪ. Да.

ПЕТРЪ. Мама?

ЯКОВЪ (уходя). Люба...

ПЕТРЪ. Давай, я снесу воду...

ЯКОВЪ. Нѣтъ. Ты не ходи туда...

ПЕТРЪ (грубовато). Я не собираюсь...

Входятъ Софья и г-жа Соколова — сѣдая дама съ измученнымъ лицомъ, держится прямо, говоритъ негромко, съ большой внутренней силой и невольно внушаетъ уваженіе къ себѣ.

СОКОЛОВА. Вы понимаете, зачѣмъ я пришла?

СОФЬЯ (не знаетъ какъ себя держать). Я получила ваше письмо... Петя, пожалуйста, оставь насъ...

Пристально глядя въ лицо Соколовой, Петръ подвигается къ ней, она тоже смотритъ на него. Петръ, поклонясь, хочетъ протянуть ей руку, Софья становится между ними.

СОФЬЯ (суетливо). Прошу тебя, Петя! Пожалуйста, садитесь...

Петръ уходитъ.

СОКОЛОВА (не сѣла; говоритъ сначала твердо, подъ конецъ не можетъ сдержать волненія, но голосъ ея звучитъ властно). Я пришла сказать, что мой сынъ не виновенъ, онъ не стрѣлялъ въ вашего мужа... не могъ, вы понимаете? Мой сынъ не могъ покушаться на жизнь человѣка... онъ не террористъ... Онъ, конечно, революціонеръ, какъ всѣ честные люди въ Россіи...

СОФЬЯ (повторяетъ, ударяя на словѣ «честные»). Какъ всѣ честные люди?

СОКОЛОВА. Да. Вамъ это кажется неправдой?

СОФЬЯ (не сразу). Я не знаю.

СОКОЛОВА. Супругъ вашъ ошибся, указавъ на него. Ошибка понятная, если хотите, но ее необходимо исправить. Сынъ мой сидитъ въ тюрьмѣ пятый мѣсяцъ, теперь онъ заболѣлъ... вотъ почему я пришла къ вамъ. У него дурная наслѣдственность отъ отца, очень нервнаго человѣка, и я, я боюсь, вы понимаете меня? Понятна вамъ боязнь за жизнь дѣтей? Скажите, вамъ знакомъ этотъ страхъ?

Она беретъ Софью за руку и смотритъ ей въ глаза. Софья растерянно наклоняетъ голову, нѣсколько секундъ обѣ молчатъ.

СОФЬЯ (съ напряженіемъ). Мы получили заявленіе террористовъ... они отрицаютъ участіе вашего сына...

СОКОЛОВА. И этого, я думаю, достаточно для порядочнаго человѣка, чтобы признать свою ошибку...

СОФЬЯ (тихо). Не говорите со мною... такъ строго!

СОКОЛОВА (не сразу). Я прошу извинить меня...

СОФЬЯ (вздыхая). Мнѣ кажется, мы можемъ говорить иначе...

СОКОЛОВА (наклонясь къ ней). Да, какъ двѣ матери... Вѣдь я не ошибаюсь, чувствуя, что вы убѣждены въ ошибкѣ вашего мужа, что у васъ есть желаніе помочь мнѣ?

СОФЬЯ (волнуясь). Да! Да, я хотѣла-бы... очень хочу! Я не вѣрю, что стрѣлялъ вашъ сынъ, я и раньше сомнѣвалась, но теперь — вижу васъ — не вѣрю!

СОКОЛОВА (жметъ ей руку). Вы — мать, вы не можете ошибаться, когда рѣчь идетъ о судьбѣ сына...

СОФЬЯ (пугливо, недовѣрчиво). Не могу ошибаться, я?

СОКОЛОВА (просто). Мать всегда справедлива, какъ жизнь.

СОФЬЯ (болѣзненно усмѣхаясь). О, это невѣрно! Это... красиво сказано, но, Боже мой, я... справедлива?

СОКОЛОВА (настойчиво). Мать справедлива, какъ жизнь, какъ природа... Всѣ дѣти близки ея сердцу, если это здоровое сердце...

СОФЬЯ (грустно). А! Вотъ видите — здоровое сердце...

СОКОЛОВА. Мать — врагъ смерти. Вотъ почему вы хотите помочь мнѣ спасти сына...

СОФЬЯ (тоскливо). У меня — тоже дѣти и они — тоже хорошіе, повѣрьте мнѣ. Я первый разъ вижу ваше лицо, но мнѣ кажется — я давно знаю васъ... Это странно, но я чувствую васъ, какъ сестру...

СОКОЛОВА (просто). Мы всѣ сестры, когда нашимъ дѣтямъ грозитъ опасность.

СОФЬЯ (сильно волнуясь). Какъ странно вы говорите... Вы, сильная...

СОКОЛОВА. Я — мать...

СОФЬЯ. О! Я хочу спасти вашего сына... Можетъ быть это научитъ меня помочь моимъ дѣтямъ... Но — могу-ли я? Съумѣю-ли?

СОКОЛОВА. Я приду послѣзавтра утромъ — хорошо? Убѣдите вашего мужа выслушать меня спокойно...

СОФЬЯ. Убѣдить мужа? (Тихо.) Что вы думаете объ этомъ человѣкѣ? Это — очень дурной человѣкъ, да?

СОКОЛОВА (спокойно). По всему, что я знаю о немъ — да, очень...

СОФЬЯ (виновато улыбаясь). Мнѣ сорокъ пять лѣтъ, я смѣшна и жалка, правда? Такъ спрашивать о человѣкѣ, съ которымъ прожила всю жизнь — глупо? У меня взрослыя дѣти...

СОКОЛОВА (мягко). Но давно-ли вы почувствовали себя матерью?

СОФЬЯ. О, мнѣ было восемнадцать лѣтъ, когда...

СОКОЛОВА. Я говорю о чувствѣ духовнаго родства съ дѣтьми.

Софья испуганно смотритъ въ лицо ей и отрицательно качаетъ головой, видимо не понимая словъ Соколовой.

СОКОЛОВА (послѣ паузы). Простите меня, я разстроила васъ...

СОФЬЯ (тихо). Нѣтъ, не то...

СОКОЛОВА (идетъ). Одинъ вопросъ — вашъ сынъ хотѣлъ поздороваться со мной, мнѣ показалось — вы помѣшали этому — зачѣмъ?

СОФЬЯ. Не знаю... Можетъ быть побоялась. Люди всегда такъ охотно обижаютъ другъ друга...

СОКОЛОВА. Какіе грустные глаза у него...

Обѣ уходятъ. Въ столовой появляется Петръ, возбужденный, смотритъ вслѣдъ имъ. Входитъ Александръ, въ формѣ и въ шапкѣ.

АЛЕКСАНДРЪ (сердито). Отецъ дома?

ПЕТРЪ. Уѣхалъ въ клубъ.

АЛЕКСАНДРЪ. Гдѣ мать?

ПЕТРЪ. Зачѣмъ тебѣ!

АЛЕКСАНДРЪ (кричитъ). Что за вопросъ?

ПЕТРЪ (съ досадой, но мягко). Ну, не ори! Какой ты странный...

АЛЕКСАНДРЪ. Что?

ПЕТРЪ. Зачѣмъ казаться хуже, чѣмъ есть?

АЛЕКСАНДРЪ. Что за дерзости! Я тебѣ уши надеру, оселъ!

ПЕТРЪ (отступая). Александръ, послушай...

СОФЬЯ (быстро входитъ). Оставь!

АЛЕКСАНДРЪ (возмущенный). Онъ говоритъ мнѣ дерзости!

СОФЬЯ (взволнованно). Ты не имѣешь права драться!

ПЕТРЪ. Онъ, мама, хочетъ набить себѣ руку для практики по службѣ.

АЛЕКСАНДРЪ. Слышите? Если вы не умѣете воспитывать его, отцу нѣтъ времени, такъ долженъ я, по старшинству... Ступай вонъ, ты!

ПЕТРЪ (уходя, съ усмѣшкой). Иду, братъ мой... милый мой братъ...

АЛЕКСАНДРЪ. Поговори еще!... Послушайте, мамаша, вы поставили меня въ идіотское положеніе — я долженъ угостить товарищей, отпраздновать свое вступленіе въ ихъ среду, а гдѣ-же деньги? Гдѣ деньги, спрашивается?

ФЕДОСЬЯ (идетъ). Сонюшка, иди-ка...

СОФЬЯ (тихо и мягко). Саша, денегъ нѣтъ! Все, что можно было заложить — заложено...

АЛЕКСАНДРЪ. Но вы должны понять, что не могу-же я брать взятки съ первыхъ дней службы!... Вы обязаны избавить меня отъ этой необходимости, а не толкать къ ней...

СОФЬЯ (тихо, съ тоской). Что-же мнѣ дѣлать, что? Голубчикъ Саша...

ФЕДОСЬЯ. Сонюшка, тамъ Люба плачетъ, слышишь?

АЛЕКСАНДРЪ. Мнѣ надоѣли жалкія слова, я говорю серьезно!

ФЕДОСЬЯ. Ты, басурманъ, сними шапку-то! Передъ матерью надо, какъ передъ иконой стоять... а ты — ишь, выпялился!

АЛЕКСАНДРЪ (срывая шапку). Уйди ты къ...

СОФЬЯ. Ты говоришь плохо, Александръ! Вѣдь передъ тобою — мать!

АЛЕКСАНДРЪ. Нужно помнить не то, что вы моя мать, а что я, вашъ сынъ, имѣю право на вашу помощь. Неужели вамъ непонятна ваша обязанность помочь мнѣ встать на ноги? Необходимо, по крайнѣй мѣрѣ, двѣсти рублей, отъ этого зависитъ ходъ моей службы, карьера, достойная дворянскаго имени и чести.

СОФЬЯ (усмѣхаясь). Ты — умный, Саша! Ты очень убѣдительно говоришь...

АЛЕКСАНДРЪ (возмущаясь). Нѣтъ, вы бросьте эти façons de parler... Мнѣ нужны деньги, а все остальное, pardon, комедія!

СОФЬЯ. Александръ! Опомнись-же... Гдѣ я возьму денегъ?

АЛЕКСАНДРЪ. У дяди, это ясно!

СОФЬЯ. Мы его обобрали уже... Мнѣ стыдно просить.

АЛЕКСАНДРЪ (со злой ироніей). Какъ стойко вы защищаете интересы дяди Якова! Parole d'honneur — это можетъ показаться подозрительнымъ кому-нибудь...

СОФЬЯ. Что? Что ты говоришь?

АЛЕКСАНДРЪ. Э, полноте! Къ чему тутъ драматическій шопотъ? Я не мальчикъ...

СОФЬЯ (съ ужасомъ, тихо). На что ты намекнулъ!

АЛЕКСАНДРЪ. Какіе тамъ намеки? Я знаю — дядя не можетъ отказать вамъ.

СОФЬЯ. Почему? Саша — почему?

АЛЕКСАНДРЪ (чувствуя, что онъ зарвался). Ну, вы это знаете...

СОФЬЯ (вдругъ, твердо). Тебѣ сказалъ отецъ? Неужели онъ сказалъ тебѣ?

АЛЕКСАНДРЪ (успокоительно). Ну, да! Вы знаете — папа болтливъ. Но вѣдь ничего страшнаго нѣтъ во всемъ этомъ... Какая женщина не увлекалась?...

СОФЬЯ (гнѣвно). Молчать!

Александръ испуганно встаетъ. Онъ впервые видитъ гнѣвъ матери и удивленъ.

СОФЬЯ. Твой отецъ... ты понимаешь...

АЛЕКСАНДРЪ. Это мнѣ неинтересно...

СОФЬЯ. Ты понимаешь — кто твой отецъ?

АЛЕКСАНДРЪ (уходя). Нѣтъ, вы меня избавьте... у меня есть свои задачи...

Софья стоитъ точно каменная, съ ужасомъ на лицѣ смотритъ въ уголъ и спрашиваетъ тихо.

СОФЬЯ. Это ты, Господи? Твоя всесильная рука?

ФЕДОСЬЯ. Чего онъ расходился, а? Сонюшка!

СОФЬЯ (тихо и точно ребенокъ). Няня... няня...

ФЕДОСЬЯ. Зачѣмъ, бишь, я пришла, Сонюшка... Вотъ, послѣдненькій мой...

Идетъ Петръ. У него лицо свѣтлое, удивленное, онъ какъ-то выпрямился.

ПЕТРЪ (осторожно подходя къ матери). Мама, прости меня, я слышалъ, что говорила эта женщина... не все, но слышалъ, ты не сердись!

СОФЬЯ (глухо). Подожди...

ПЕТРЪ (не замѣчая состоянія матери, ходитъ по комнатѣ возбужденный). Какая она величественная, а? Вотъ — мать, да!

СОФЬЯ. Какъ? Что ты сказалъ?

ПЕТРЪ. Вотъ мать, сказалъ я! Точно изъ другого міра.

СОФЬЯ (тихо). Это упрекъ мнѣ?

ПЕТРЪ (быстро). Нѣтъ, мама, ей-Богу, нѣтъ. Это я... такъ, просто...

СОФЬЯ. Ты меня любишь?

ПЕТРЪ (просто, думая о чемъ-то другомъ). Конечно, мама!

СОФЬЯ (громко). За что?

ПЕТРЪ (такъ-же). Люблю, а за что — какъ это скажешь? Но какая она удивительная, неправда-ли? Она — гордая, мама. Гордая, точно королева... мать-королева! Мама, познакомъ меня съ нею, мнѣ такъ хочется быть знакомымъ съ хорошими, другими людьми.

СОФЬЯ (печально). Съ другими, съ хорошими?

ФЕДОСЬЯ. Не люблю я его, Александра-то!

ПЕТРЪ (сконфуженъ). Ты, мама, невѣрно поняла... я не о тебѣ думалъ...

СОФЬЯ. Милый мой мальчикъ — я заслужила.... Куда вы? Что такое?

Любовь ведетъ подъ руку Якова, лицо у нея суровое, усталое. Яковъ взволнованъ, онъ

умоляюще смотритъ въ лицо Любови. Видя ихъ, Софья невольно встаетъ.

ЯКОВЪ (тихо). Тише, Люба, дорогая моя... ты оцѣни этотъ моментъ... ты задумала, я не знаю, право, что это будетъ. Вотъ, Соня, она ведетъ меня... Петя, голубчикъ, на минуту уйди, прошу тебя...

ФЕДОСЬЯ. Опять этотъ выползъ, ахъ, какой! Сонюшка, Люба-то все плачетъ — вотъ я зачѣмъ пришла!

ПЕТРЪ (уходя, хмуро). Идемъ, нянька...

ЯКОВЪ. Мы должны поговорить... рѣшить одинъ вопросъ, извини... Соня, она все знаетъ, Люба... я говорилъ тебѣ — она все поняла...

СОФЬЯ (сѣла, глухо). Ну, что-же, Люба... Ты... Чего ты хочешь...

ЛЮБОВЬ (тихо). Мама — онъ мой отецъ?

ЯКОВЪ (тоже тихо). Нужно отвѣтить, Соня.

ЛЮБОВЬ. Это мой отецъ?

СОФЬЯ (опуская голову, тихо). Я не могу сказать... ни — да, ни нѣтъ...

Всѣ трое молчатъ. Любовь опустилась на полъ, положила голову на колѣни матери. Яковъ стоитъ, держась за спинку стула. Потомъ говорятъ все время тихо, какъ будто въ домѣ кто-то умеръ.

СОФЬЯ. Я только такъ скажу: были въ моей жизни свѣтлые, чистые дни — это дни твоей любви, Яковъ...

ЯКОВЪ. Нашей любви...

СОФЬЯ. Только однажды я была человѣкомъ свободнымъ отъ грязи — во дни твоей любви.

ЯКОВЪ. Соня, нашей любви!...

СОФЬЯ. Развѣ я тебя любила, если не пошла съ тобой, когда ты звалъ? Я промѣняла любовь на привычку... Вотъ я наказана за это...

ЛЮБОВЬ (твердо). Мама, мой отецъ — онъ! Я это знаю.

ЯКОВЪ. Да, Соня, ей надо вѣритъ. Она — знаетъ!

СОФЬЯ (осторожно лаская дочь). Пусть такъ... но что-же дальше?

Молчатъ.

ФЕДОСЬЯ (улыбаясь смотритъ на нихъ). Вотъ и побесѣдуйте дружненько...

ЛЮБОВЬ (тихо, съ отчаяніемъ). Мама, зачѣмъ я уродъ?

ЯКОВЪ (ласково и грустно). Ты не должна-бы помнить объ этомъ въ святую минуту, когда воскресла умершая любовь...

ЛЮБОВЬ (холодно). Нѣтъ минуты, когда-бы я не чувствовала своего уродства, отецъ.

СОФЬЯ (медленно). И у меня нѣтъ теперь такой минуты...

ЛЮБОВЬ. И развѣ это любовь воскресла, отецъ? Нѣтъ, это обнаружилась ошибка, можетъ быть и...

ЯКОВЪ (умоляюще). Не будь жестокой, Люба!

СОФЬЯ. Ты думаешь, она не выстрадала права на это?

ЛЮБОВЬ (тихо, печально). Мама, мама... какъ мнѣ тебя жалко!

Подавленно молчатъ.

ФЕДОСЬЯ. А ты-бы, Яша, смѣшное что разсказалъ... Помнишь, какъ, бывало, вы съ Андрюшей Рязановымъ комедію играли... и Сонюшка тоже... еще тогда Люба не родилась, а Надя корью болѣла... а полковникъ Бородулинъ, крестный-то ея, въ ту пору...

Занавѣсъ.

III.

Столовая, большая, неуютная комната. На столѣ остатки завтрака, вокругъ стола безпорядочно разбросаны стулья. Иванъ, въ тужуркѣ, ходитъ по комнатѣ, Софья моетъ чайную посуду, Федосья убираетъ ее въ буфетъ.

ИВАНЪ. Что — она приличная женщина, эта Соколова?

СОФЬЯ. Къ ней чувствуешь уваженіе.

ИВАНЪ (скептически). Ну, уваженіе! (Подумавъ.) Однако, надо будетъ надѣть новый мундиръ.

СОФЬЯ. Онъ въ ссудной кассѣ.

ИВАНЪ. Ф-фу, чортъ! Вы скоро и меня туда стащите.

СОФЬЯ (спокойно). За насъ съ тобой тамъ не дадутъ ни гроша.

ИВАНЪ. Безъ ироническихъ шутокъ! Кто раззорилъ меня? Твои наряды и капризы!

СОФЬЯ (сдерживаясь). А такъ-же твоя игра, твои любовницы и кутежи...

ИВАНЪ (останавливаясь, смотритъ на нее, пожимаетъ плечами, говоритъ спокойно). Я не хочу споровъ, мнѣ нужно встрѣтить эту женщину вполнѣ корректно, моя бесѣда съ ней, вѣроятно, будетъ извѣстна всѣму городу, а если-бы не это, ты, моя милая, (грозитъ ей пальцемъ) услышала-бы нѣсколько теплыхъ словъ...

ФЕДОСЬЯ (бормочетъ). Зарычало воевало...

ИВАНЪ. Характеръ у тебя становится невыносимъ. Ты груба, какъ прачка и зла, какъ чортъ, которому при-

ли хвостъ. Я слишкомъ усталъ для того, чтобы тер-
ть твои выходки, я требую покоя! Я долженъ беречь
ои силы для дѣтей...

СОФЬЯ (холодно). Ты погубилъ дѣтей.

ИВАНЪ (грубо). Не смѣй говорить такъ!

СОФЬЯ (вздыхая, твердо). Мы съ тобой погубили дѣ-
й, да! Посмотри, какъ они несчастны...

ИВАНЪ. Ага, твоя горбунья! Но мои дѣти — ува-
ютъ меня!

СОФЬЯ. Въ Петрѣ зрѣетъ отвращеніе къ намъ....
адежда — чувственное животное, безъ ума и сердца...

ИВАНЪ. Какъ ты. Ты была такой-же!

СОФЬЯ. Александръ развращенъ тобой, Вѣра — бѣд-
я, глупая дѣвочка...

ИВАНЪ. Ты не умѣла воспитать ихъ, ты!

СОФЬЯ. Я знаю, въ чемъ я виновата.

ИВАНЪ. Чего ты хочешь отъ меня, скажи — чего?

СОФЬЯ (бросая полотенце). Слушай, ты десять лѣтъ
ролся противъ дѣтей...

ФЕДОСЬЯ. Ну, вотъ, начали...

ИВАНЪ (усмѣхаясь). Что такое?

СОФЬЯ (сильнѣе). Обыскивалъ, хваталъ, сажалъ въ
рьмы — кого?

ИВАНЪ (изумленъ). Это — либерализмъ, что-ли? Ты
едишь! Старуха, не смѣши меня!

ФЕДОСЬЯ. Сто лѣтъ ругаетесь.... ужъ пора-бы
тать...

СОФЬЯ (тоскливо). Ты убивалъ мальчиковъ. Одному
ъ убитыхъ было семнадцать лѣтъ. А дѣвушка, которую
застрѣлили во время обыска! Ты весь въ крови и во-
о кровь дѣтей, кровь юности, да! Ты самъ не однажды
ичалъ: они мальчишки! Помнишь?

ИВАНЪ (испуганъ, недоумѣваетъ). Софья, что съ то-
й? Это ужасно!

СОФЬЯ. Да, ужасно!

ИВАНЪ. Ты собрала всю клевету и ложь... да развѣ только одни молодые идутъ противъ порядка? Наконецъ, ты говоришь опасныя вещи! Если тебя услышитъ Петръ и Вѣра...

СОФЬЯ. Изъ трусости или со зла — ты сдѣлалъ подлость...

ИВАНЪ (теряется). Софья, я — дворянинъ, я не позволю...

СОФЬЯ. Ты указалъ на юношу, который будто-бы стрѣлялъ въ тебя — ты знаешь, видѣлъ — это стрѣлялъ онъ? Онъ?

ИВАНЪ. А, понимаю! Тебя настроила его мать!

СОФЬЯ. Ты скажешь по чести, вотъ здѣсь, передъ образомъ, мнѣ въ глаза, что онъ стрѣлялъ?

ИВАНЪ (гнѣвно). Довольно! Я все понялъ! Я ей — покажу!

ФЕДОСЬЯ. Охо-хо... Разбодрился кумъ, растерявши умъ...

СОФЬЯ (подошла къ мужу). Иванъ, ты долженъ сказать жандармамъ, что ты ошибся, не этотъ юноша стрѣлялъ въ тебя — ты скажешь!

ИВАНЪ (испуганъ ея тономъ). А... если не скажу?

СОФЬЯ. Скажешь! Христа ради прошу...

ИВАНЪ. Это отвратительно! Но если я увѣренъ въ его винѣ?

СОФЬЯ. Неправда! Я не къ сердцу твоему обращаюсь — безполезно кричать въ пустоту — я говорю тебѣ: или ты сознаешься въ своей ошибкѣ, или я разскажу о тебѣ Петру и Вѣрѣ... Ради дѣтей, Иванъ!

ИВАНЪ (колеблется). Это насиліе надо мной! Это безуміе!

СОФЬЯ (слабѣя). Сдѣлай, какъ я говорю. Ты самъ себѣ покажешься лучше, честнѣе...

ИВАНЪ (отмахиваясь отъ нея). Довольно! Мнѣ, конечно... да чортъ съ нимъ, съ этимъ прохвостомъ. Дѣйствительно, я не увѣренъ, что онъ стрѣлялъ... но вѣдь

кто-нибудь стрѣлялъ-же! Я, наконецъ, допускаю — не онъ! Но, все-таки, устраивать мнѣ такую сцену изъ-за пустяковъ — это безуміе, Софья!

СОФЬЯ (утомлена напряженіемъ, тихо). Вся моя жизнь — безуміе... и твоя тоже...

ФЕДОСЬЯ (бормочетъ). Няньчила — водила, всю силушку убила...

Петръ идетъ.

ИВАНЪ (пожимая плечами). Откуда это у тебя? Гм... Что тебѣ нужно, Петръ?

ПЕТРЪ. Ничего.

ИВАНЪ. Гм... Почему ты не въ гимназіи?

ПЕТРЪ. Не пошелъ туда. А вы — ссорились?

ИВАНЪ (вскипая). Ты смѣешь такъ спрашивать?...

СОФЬЯ (слабо). Петя, не надо...

ПЕТРЪ (спокойно). А почему не смѣю, папа?

ИВАНЪ. Видишь, Софья? Ага!

ПЕТРЪ (грустно улыбаясь). Развѣ мнѣ все равно, какъ живутъ мои мать и отецъ?

ИВАНЪ (не знаетъ, какъ ему отнестись къ сыну). Во-первыхъ, ты — еще мальчикъ...

ПЕТРЪ. И такъ далѣе. Скажите, правда, что Вѣру рѣшено выдать замужъ за Ковалева?

ИВАНЪ (изумленно). Постой... Тебѣ какое дѣло?

СОФЬЯ. Это еще не рѣшено, Петя.

ПЕТРЪ. А Вѣрка плачетъ, бѣдная!

ИВАНЪ (пожимая плечами). Я ничего не понимаю!

ПЕТРЪ. Папа, ты называлъ Ковалева мерзавцемъ...

ИВАНЪ. Я? Когда?

ПЕТРЪ. Не однажды.

ИВАНЪ (смотритъ на жену и сына). Это... что? Допросъ? Отцу? Мнѣ! Нѣтъ, господа, до этого я... вы не доросли... (Уходитъ.)

ФЕДОСЬЯ (усмѣхаясь). Ну, все высыпалъ, пошелъ еще копить...

ПЕТРЪ (помолчавъ). Дѣтямъ не принято отвѣчать на их вопросы, я забылъ...

СОФЬЯ (задумчиво). Тутъ, я думаю, есть... нѣкоторый смыслъ...

ПЕТРЪ. Я хотѣлъ-бы спросить отца — честный-ли онъ человѣкъ?

СОФЬЯ (тревожно). Не говори такъ, Петя, не говори!

ПЕТРЪ. Почему? Потому, что это мучаетъ тебя? Мама, вѣдь безполезно мучить людей, не правда-ли?

СОФЬЯ (быстро). Да! О, да! (Подумавъ и тише.) А, можетъ быть, — нѣтъ...

ПЕТРЪ (мягко). У тебя да и нѣтъ живутъ удивительно дружно, они всегда вмѣстѣ! Это — удобно?

СОФЬЯ (тихо). Мучительно и страшно, Петя!

ПЕТРЪ. Мнѣ кажется тоже, что мучительно... Я, мама, больше не пойду въ гимназію...

СОФЬЯ. Но какъ-же? Надо-же учиться.

ПЕТРЪ. Но чему-же, мама, учиться! Самое цѣнное, что я узналъ тамъ до сей поры, это про отца... о немъ я уже знаю достаточно... достаточно для того, чтобы...

СОФЬЯ. Петя, ради Бога! Молчи!

ПЕТРЪ. Хорошо. Хотя... Богъ — что такое Богъ, мама? Ты знаешь?

СОФЬЯ (съ отчаяніемъ). Я ничего не знаю... ничего, родной мой!

ПЕТРЪ (помолчавъ). Все это странно. Ты не любишь отца, не уважаешь его, но ты останавливаешь меня, когда я хочу сказать о немъ то, что думаю. Почему? Почему такъ, мама? Вѣдь ты-же сама разсказала мнѣ о немъ!

СОФЬЯ. Я не должна была дѣлать этого!...

ПЕТРЪ. Чтобы не мучить меня? Какъ мы, однако, жалѣемъ другъ друга! Но, мнѣ кажется, наша жалость — самое плохое, что можно выдумать, мама.

СОФЬЯ (тихо). Можетъ быть ты правъ, мой другъ... да!

ПЕТРЪ. Твой другъ? Первый разъ слышу это.... (Помолчавъ — Федосьѣ.) Няня, ты смерти боишься?

ФЕДОСЬЯ. А тебѣ какое дѣло?

ПЕТРЪ. Боишься?

ФЕДОСЬЯ. А тебѣ что? Не твое это дѣло!

ПЕТРЪ. Мнѣ хочется знать...

СОФЬЯ. Петя, перестань...

ФЕДОСЬЯ. Бояться мнѣ нечего — я смерть не обидѣла, никого не обидѣла. А ты не заигрывай, молодъ еще шутки шутить...

СОФЬЯ. О, Боже мой...

ПЕТРЪ (тихо). Ты, мама, скажи отцу, что я не буду ходить въ гимназію. Мнѣ говорить съ нимъ... трудно, мы плохо понимаемъ другъ друга... Скажи — я далъ пощечину Максимову, когда онъ назвалъ отца звѣремъ и подлецомъ... теперь я понимаю, что незаслуженно обидѣлъ этого мальчика... Хотя онъ не правъ — какой-же звѣрь отецъ? (Медленно и задумчиво.) Какой онъ звѣрь...

СОФЬЯ. Это несчастный, слабый человѣкъ...

ПЕТРЪ. Который всю жизнь командовалъ людьми, говоритъ дядя Яковъ. Оставимъ это, а то мнѣ хочется говорить о жизни, въ которой командуютъ несчастные, слабые люди... и о людяхъ, которые позволяютъ командовать собой... и — какъ назвать такихъ людей... Я спрошу объ этомъ у Кирилла Александровича.

СОФЬЯ (думая о чемъ-то другомъ). Кто это?

ПЕТРЪ. Я говорилъ тебѣ о немъ. Еще ты назвала его воздухоплавателемъ, помнишь? Я тоже хочу быть воздухоплавателемъ — летать мимо воздушныхъ замковъ... Вѣрка идетъ... Смотри, мама, какое у нея смѣшное лицо.

ВѢРА (возбужденно). Мама, было-бы тебѣ извѣстно — я убѣгу изъ дому, но замужъ за этого болвана не пойду!

СОФЬЯ. Вѣдь ничего еще не рѣшено, Вѣра... Я не успѣла поговорить съ отцомъ.

Петръ подошелъ къ буфету, налилъ себѣ вина и пьетъ, этого не замѣчаютъ, онъ стучитъ стаканомъ, крякаетъ.

ВѢРА. Не успѣла! И не успѣешь! И онъ тебя не будетъ слушать...

СОФЬЯ. Ты напрасно горячишься! Петя, зачѣмъ?

ВѢРА. Напрасно! Благодарю васъ! Мнѣ приказываютъ — Вѣра, будь женой краснорожаго, лысаго человѣка съ большимъ животомъ и зелеными усами — а я что-же? Должна сказать — mercі да поцѣловать папину ручку?

ИВАНЪ (въ мундирѣ, съ орденами). Что? Жаловаться прискакала? Не поможетъ! Я рѣшилъ...

ВѢРА (сквозь слезы). Вы, папа, замѣтили, что у него зеленые усы?

ИВАНЪ. Ну, не шали! Будь умной. Смотри — мужъ Надежды тоже не красивъ, а она — счастлива! Это серьезно, бракъ!

ВѢРА. Да, да, усы серьезно зеленые! Вы подарилибы ему своей краски для волосъ...

ИВАНЪ. Моей... Что такое?

ВѢРА. У васъ хоть лиловая, это оригинальнѣе...

ИВАНЪ (тихо, но грозно). Ты съ кѣмъ шутишь, дѣвченка, а?

ПЕТРЪ (выходя изъ комнаты). Мама, возможенъ трагическій балаганъ?

ИВАНЪ (кричитъ). Софья, чортъ возьми! Ты должна наказать ее! Что вы — издѣваетесь надо мной?

ФЕДОСЬЯ (ворчитъ). Заорали! Заплакали! Ахъ, неугомонные! (Идетъ прочь.)

ВѢРА (плачетъ). Это ты издѣваешься надо мной! Ну, зачѣмъ тебѣ Ковалевъ, зачѣмъ? Вѣдь достаточно одного Леща, чтобы все въ домѣ было противно.

СОФЬЯ. Вотъ ты говорилъ, что дѣти любятъ тебя...

ВѢРА. Да, папа, мы тебя любимъ... но мы не полицейскіе солдаты...

ИВАНЪ (растерянно смотритъ на всѣхъ). Прямо заговоръ, заговоръ противъ отца!

ЛЮБОВЬ (входитъ). Мама, тебя зоветъ отецъ.... Что съ тобой, Вѣра?

ВѢРА. Ты знаешь...

ИВАНЪ (удивленъ). Отецъ? Какой отецъ?

ЛЮБОВЬ. Ты напрасно плачешь, Вѣра...

ИВАНЪ. Прошу не поучать ее! Вѣра, маршъ отсюда! Нѣтъ, ты останься, Любовь... да...

ЛЮБОВЬ. Что вамъ угодно?

ИВАНЪ. Дай мнѣ сообразить...

Смотрятъ другъ на друга, Иванъ, видимо, не понимая, зачѣмъ онъ ее остановилъ, Любовь, спокойно ожидая.

ИВАНЪ. Ты сказала — отецъ... Это кто-же?

ЛЮБОВЬ. Мой отецъ.

ИВАНЪ (растерянно). Ага-а... да! Значитъ, мы съ тобой — чужіе?

ЛЮБОВЬ. Мы не были родными.

ИВАНЪ. Да, ты относилась ко мнѣ враждебно!

ЛЮБОВЬ. Я немного умнѣе другихъ.

ИВАНЪ. Ты... ты удивительно злой человѣкъ!

ЛЮБОВЬ. Какъ всѣ уроды.

ИВАНЪ (возбуждаясь, съ пафосомъ). Это ты привила моимъ дѣтямъ духъ противорѣчія, ты научила ихъ не уважать меня... и даже мать довела почти до безумія. Несомнѣнно — ты! Теперь все ясно, я вижу всюду твою мстительную руку...

ЛЮБОВЬ. У васъ похоже на мелодраму.

ИВАНЪ (убѣждая самъ себя). Я долго думалъ — гдѣ зло?

ЛЮБОВЬ. Вы-бы давно могли найти его, если-бы однажды взглянули на себя серьезно...

ИВАНЪ. Нѣтъ, подожди...

ЛЮБОВЬ (спокойно). Послушайте, намъ не о чемъ говорить.

ИВАНЪ (озабоченно). Но что-же теперь будетъ?

ЛЮБОВЬ. Я уйду отсюда.

ИВАНЪ. Уйдешь? Гм... Куда?

ЛЮБОВЬ. Это ужъ мое дѣло. Намъ не за что благодарить другъ друга, не такъ-ли? (Идетъ.)

ИВАНЪ (смотритъ вслѣдъ ей, грустно качаетъ головой и искренно бормочетъ). Какая злоба, а? О, Боже мой... Вотъ, гдѣ находитъ пищу анархія и прочее... Вотъ оно... Какъ я одинокъ, Боже мой! Какъ я одинокъ, Господи!

НАДЕЖДА (входитъ). Ты здѣсь, мой милый воевода? Что это ты бормочешь? Молишься?

ИВАНЪ. Эхъ, Надя, Надя! Не смѣйся надъ этимъ...

НАДЕЖДА (весело). Молись, отецъ! Тебѣ есть за что благодарить Бога.

ИВАНЪ (грустно). Онъ меня забылъ...

НАДЕЖДА. Представь — нѣтъ еще!

ИВАНЪ (задумчиво). Ты что-нибудь знаешь?

НАДЕЖДА. Кажется, тебѣ дадутъ мѣсто исправника...

ИВАНЪ (гордо ударивъ себя въ грудь). Я, Коломейцевъ, полицеймейстеръ — въ исправники? Никогда!

НАДЕЖДА. Ахъ, папа, какой ты, въ сущности, ребенокъ!

ИВАНЪ. Надежда, — ни за что!

НАДЕЖДА. Милый, гордость — прекрасна, но надо-же кушать. И какъ это вкусно — кушать съ гордостью заработанный кусокъ хлѣба...

ИВАНЪ. Я всегда такъ ѣлъ мой хлѣбъ!

НАДЕЖДА. И выкормилъ имъ твою Надю... Знаешь что? Сдѣлай такъ, какъ дѣлали какіе-то рыцари — шагъ назадъ...

ИВАНЪ (соображая). Въ исправники... гм....

НАДЕЖДА. И сразу — два шага впередъ!

ИВАНЪ. Два? Два впередъ?

НАДЕЖДА. Ну, да — два!

ИВАНЪ (мечтательно). Въ градоначальники, чо-ортъ возьми! Это, знаешь, идея! Ого? Въ наше время, когда энергичный человѣкъ все, это возможно!

НАДЕЖДА. Не глупо, папка?

ИВАНЪ (вздыхая). Д-да! Ты — просто прелесть! Счастливецъ этотъ Лещъ, будь ему неладно!

НАДЕЖДА. Зачѣмъ желать ему дурного? Онъ такъ старается для тебя.

ИВАНЪ (весело). Ну-ну-ну! Ты что — серьезно влюблена въ него?

НАДЕЖДА. Это мой секретъ.

ИВАНЪ (подмигивая). А вѣдь онъ рожа, между нами говоря!

НАДЕЖДА (притворяясь обиженной). Папка!

ИВАНЪ. Сазанъ какой-то, а не мужчина. Скажи, у тебя нѣтъ маленькаго желанія наставить ему рога, э?

НАДЕЖДА. Развѣ можно говорить съ дочерью о такихъ грѣшныхъ вещахъ? (Закрываетъ уши). Я не хочу слушать.

ИВАНЪ (беретъ ее за руки). А, можетъ быть, уже?

НАДЕЖДА. Оставь меня, безнравственный отецъ мой.

ИВАНЪ (хохочетъ). Нѣтъ, ты скажи, сазанъ съ рогами, а?

Надежда смѣясь вырывается изъ его рукъ.

АЛЕКСАНДРЪ (входитъ, немного выпившій). Здѣсь смѣются? Пораженъ! Bonjour, papa! Сестренка, ручку!

ИВАНЪ (любуясь сыномъ). Ты посмотри, какой бравый молодецъ.

НАДЕЖДА (становясь рядомъ съ братомъ). Мы — недурная пара, папа?

ИВАНЪ (растроганно). Да, ребята, да! Только вы двое утѣшаете меня — здоровые, веселые, простые...

НАДЕЖДА (брату). Знаешь, отецъ, навѣрное, получитъ мѣсто исправника.

ИВАНЪ (подмигивая, какъ о рѣшенномъ дѣлѣ). На время... какъ ступеньку, съ которой я шагну куда-то повыше, повыше!

АЛЕКСАНДРЪ. Фактъ, Надя?

НАДЕЖДА. Прокуроръ обѣщалъ мужу.

АЛЕКСАНДРЪ. Ей-Богу, этотъ Лещъ — нашъ добрый геній!

ИВАНЪ. Сазапъ? Онъ молодецъ-рыба!

АЛЕКСАНДРЪ. Ты, папа, возьми меня въ помощники себѣ!

ИВАНЪ. А что ты думаешь? Здоровенная идея!

АЛЕКСАНДРЪ. Вдвоемъ, мы устроимъ тамъ рай земной. Маленькій этакій городишко, бабенки, купчишки и надъ ними — боги и цари — père et fils! Идиллія въ прозѣ!

НАДЕЖДА (качая головой). Представляю, что вы тамъ надѣлаете!

АЛЕКСАНДРЪ. Ба! Развѣ мы хуже другихъ!

ЛЕЩЪ (идетъ). Могу принять участіе въ вашей бесѣдѣ?

АЛЕКСАНДРЪ. Вотъ — геній дома!

ИВАНЪ (пожимая руку Леща). Надежда сказала мнѣ...

ЛЕЩЪ (недоволенъ). Ну, разумѣется! Она всегда на мѣстѣ преступленія за полъ часа до убійства.

НАДЕЖДА (игриво). Пашка!

АЛЕКСАНДРЪ. Какъ вы весело острите!

ЛЕЩЪ (Ивану). Вамъ надо съѣздить къ товарищу прокурора Лепелетье, поблагодарить его за дѣло о разсыльномъ.

ИВАНЪ (радостно). Уже! Мой другъ, спасибо вамъ, спасибо!

НАДЕЖДА. Папа, красивая фамилія — Лепелетье?

ИВАНЪ (смотритъ на нее). Лепелетье? Конечно.... (Вдругъ догадался о чемъ-то, смѣется.) Ле... Лепелетье? Ну, да...

ЛЕЩЪ (сухо). Не понимаю причины смѣха!

НАДЕЖДА. Не плакать-же отъ радости!

ИВАНЪ (сдерживаясь). Я... я радъ, дружище! Все идетъ прекрасно, и я — радъ!

ЛЕЩЪ. Вамъ, разумѣется, надо быть готовымъ произвести затрату нѣкоторой суммы... Имѣйте въ виду — при поступленіи на службу нужно будетъ рублей семьсотъ, лучше — тысячу...

ИВАНЪ (становясь серьезнымъ). Ого! Мм... это трудно...

АЛЕКСАНДРЪ. И двѣсти мнѣ...

ВѢРА (заглядывая въ дверь). Надежда, поди сюда...

НАДЕЖДА. Что тебѣ нужно?

ВѢРА. Тебя...

НАДЕЖДА. Ну, подожди... Я занята!

ИВАНЪ. Надя, пойди, поговори съ нею о Ковалевѣ! Дѣвченка не понимаетъ смысла дѣла...

НАДЕЖДА. Иду. Пріятно будетъ кутнуть на ея свадьбѣ!

ЛЕЩЪ (настойчиво). Итакъ — о деньгахъ!

ИВАНЪ (вздыхая). Гдѣ ихъ достать?

АЛЕКСАНДРЪ. Почему не заложить этотъ домъ?

ИВАНЪ. Но вѣдь это домъ брата!

ЛЕЩЪ. Развѣ для дяди Якова не существуетъ родственныхъ отношеній? Сколько я знаю — онъ не эгоистъ и, къ тому-же, дни его жизни, какъ говорится, сочтены...

АЛЕКСАНДРЪ. Логично!

ИВАНЪ. А потомъ — мы возвратимъ ему деньги! Вѣдь я навѣрняка получаю мѣсто?

ЛЕЩЪ. Разумѣется. У васъ — имя, хорошее прошлое по службѣ. Всѣ эти... недоразумѣнія ваши — уже заглаживаются... Но, примите во вниманіе, нужно держаться твердо! Времена анархіи проходятъ, правительство чувствуетъ себя въ силѣ возстановить должный порядокъ — оно требуетъ отъ своихъ агентовъ крѣпкой руки...

АЛЕКСАНДРЪ (солидно). Да, наконецъ, они опомнились тамъ, въ Петербургѣ!

ИВАНЪ. Держаться твердо? Это я могу! Но вотъ что, дорогой мой, посовѣтуйте — что мнѣ дѣлать?

ЛЕЩЪ. Достать поскорѣе денегъ!

ИВАНЪ. Гм! Это такъ, я знаю! А вотъ ко мнѣ сегодня явится Соколова, мать того...

ЛЕЩЪ (строго). Зачѣмъ?

ИВАНЪ. Она, видите-ли, хочетъ, чтобы я заявилъ, что ошибся... что я не увѣренъ, кто стрѣлялъ...

АЛЕКСАНДРЪ (усмѣхаясь). Едва-ли это будетъ остроумно!

ЛЕЩЪ. Что-же вы хотите сдѣлать?

ИВАНЪ. Да я... гм... я не рѣшилъ еще! Я вотъ думаю — удобно-ли мнѣ теперь, въ виду назначенiи на службу, путаться съ этой исторiей, а? Исправникъ — и вдругъ... заявляетъ — я ошибся! Не произвело-бы это дурного впечатлѣнiя?

ЛЕЩЪ (увѣренно). Разумѣется произведетъ!

АЛЕКСАНДРЪ. Папа, помни о жандармахъ!

ЛЕЩЪ. Нѣтъ ужъ вы сентиментальности бросьте... это ниже дѣйствительности. Въ какое положенiе вы поставите жандармовъ? Сообразите-ка!

ИВАНЪ (колеблется). Н-да.... Полковникъ — прекрасный человѣкъ...

АЛЕКСАНДРЪ. И твой партнеръ въ винтъ...

ИВАНЪ. Но — чортъ ихъ знаетъ — этотъ-ли стрѣлялъ?

ЛЕЩЪ. Вѣдь кто-то стрѣлялъ-же! А всѣ эти стрѣлки — друзья между собой. Вообще я нахожу этотъ разговоръ излишнимъ. Главное-же, если вы хотите не упустить моментъ — достаньте денегъ! Предупреждаю, что Ковалевъ тоже точитъ зубы на это мѣсто.

ИВАНЪ (сквозь зубы). Ковалевъ? Скотина этакая...

АЛЕКСАНДРЪ. Требуется быть твердымъ, папа!

ИВАНЪ. Какую сцену закатитъ мнѣ Софья, если я... проклятый мальчишка! Ужъ лучше-бы онъ ранилъ меня...

ЛЕЩЪ (кивая головой). Легкая рана была-бы полезна для васъ! Это очень подвигаетъ человѣка по службѣ впередъ.

ИВАНЪ (кисло улыбаясь). Если не свалитъ его въ могилу!

АЛЕКСАНДРЪ (глядя на часы). Однако, папа, ты-бы шелъ къ дядѣ!

ИВАНЪ (Лещу). А что, Павелъ Дмитріевичъ, вы не поможете мнѣ въ этомъ?

ЛЕЩЪ. Считаю долгомъ.

АЛЕКСАНДРЪ. А я жду и вѣрю въ успѣхъ!

Ходитъ насвистывая, потомъ, задумавшись, стоитъ у буфета. Входятъ Надежда и Вѣра обнявшись, онѣ сначала не видятъ его.

НАДЕЖДА (уговаривая). Ты просто глупа...

ВѢРА (досадливо). А ты врешь!

НАДЕЖДА. Не будь грубой, дура. Я желаю тебѣ добра...

ВѢРА. Ты говоришь гадости! Ты сама не вѣришь въ это...

НАДЕЖДА (отталкивая ее). Я говорю гадости?

ВѢРА. Я не хочу имѣть любовниковъ!

НАДЕЖДА (презрительно). Скажите пожалуйста! Вотъ дрянь!

ВѢРА. Развѣ ты измѣняешь своему мужу?

АЛЕКСАНДРЪ. А ну-ка, отвѣчай, Надя?

ВѢРА. Ты знаешь, Надя говоритъ, что мужъ — все равно кто, онъ только для того, чтобы имѣть любовниковъ!

НАДЕЖДА. Не вѣрь ей, она ничего не поняла!

АЛЕКСАНДРЪ. Я вѣдь слышу — она говоритъ, точно переводитъ съ французскаго. Вѣрка, ты должна слушать сестру!..

ВѢРА. Не хочу! (Быстро убѣгаетъ.)

НАДЕЖДА. Удивительно своенравная дѣвченка!

АЛЕКСАНДРЪ. Славненькій чертенокъ!

НАДЕЖДА. Глупа... упряма...

АЛЕКСАНДРЪ. Принесетъ ей Ковалевъ коробку конфектъ, бездѣлушку и — все пойдетъ, какъ по маслу! Скажи, деньги подъ залогъ этого дома даетъ твой мужъ?

НАДЕЖДА. Не знаю. Мнѣ хотѣлось-бы имѣть этотъ домъ; — для всей семьи онъ тѣсенъ, но намъ было-бы удобно. Павелъ скоро будетъ врачебнымъ инспекторомъ и свой домъ— это очень хорошо для престижа.

АЛЕКСАНДРЪ. Послѣ смерти дяди все будетъ наше.

НАДЕЖДА. Конечно. Но насъ много. Имѣя закладную — мы съ Павломъ оставимъ домъ за собой...

АЛЕКСАНДРЪ. Ловко! Ты умѣешь устраиваться.

НАДЕЖДА. Это все Павелъ.

АЛЕКСАНДРЪ (обнимая ее). Не скромничай! Нравишься ты мнѣ!

НАДЕЖДА. Такъ нравлюсь, что тебѣ хочется попросить у меня денегъ?

АЛЕКСАНДРЪ (усмѣхаясь). До того, что я готовъ взять у тебя всѣ деньги!

НАДЕЖДА. Это уже почти страсть! Идемъ ко мнѣ, я хочу показать тебѣ одну вещь...

АЛЕКСАНДРЪ (идя за нею). А подарить мнѣ ничего не хочешь?

НАДЕЖДА. У женщинъ не просятъ подарковъ.

АЛЕКСАНДРЪ (смѣясь). Это предразсудокъ!

Уходятъ. Въ дверь заглядываетъ Вѣра, возбужденная, машетъ рукой.

ВѢРА (шопотомъ). Идите скорѣе!

ЯКОРЕВЪ (входитъ, недовольный). Что такое?

ВѢРА (тихо). Васъ видѣлъ кто-нибудь?

ЯКОРЕВЪ (понижая голосъ). Прислуга. А что?

ВѢРА (оглядываясь). Въ этомъ домѣ негдѣ спрятаться... Вотъ глупый домъ! Какъ жаль, что теперь не лѣто; — вы могли-бы выпрыгнуть въ окно!

ЯКОРЕВЪ (изумленъ). Въ окно? Зачѣмъ?

ВѢРА. Такъ нужно! Слушайте, рѣшено выдать меня замужъ за Ковалева...

ЯКОРЕВЪ (разочарованно). Н-ну? Эхъ... Поздравляю...

ВѢРА. Вы должны спасти меня!..

ЯКОРЕВЪ. Спасти? Какое тутъ спасеніе!

ВѢРА (быстро, требовательно). Вы — героическій характеръ, вы должны! Я уже составила планъ. Вы меня спрячете гдѣ-нибудь, потомъ придете сюда и скажете имъ горячую рѣчь... скажете, что они не имѣютъ права распоряжаться судьбою дѣвушки и что вы не позволите насиловать ея сердца. Вы не любите меня, но готовы отдать жизнь за мою свободу. Вы скажете имъ все, что нужно, ужъ тамъ догадаетесь — что! Они тогда заплачутъ, а вы будете моимъ другомъ на всю жизнь, поняли?

ЯКОРЕВЪ (улыбаясь). Они меня — въ шею!

ВѢРА. Якоревъ, не притворяйтесь грубымъ!

ЯКОРЕВЪ (соображая). Ковалевъ безъ приданаго не возьметъ.

ВѢРА. Они даютъ ему за меня пять тысячъ.

ЯКОРЕВЪ. Пя-ять тысячъ? Однако! Вѣрно?

ВѢРА. Это не имѣетъ значенія!

ЯКОРЕВЪ. Пять-то тысячъ не имѣютъ значенія?

ВѢРА. Какое вамъ дѣло до нихъ?

ЯКОРЕВЪ (соображая). Мнѣ? Д-да... Ковалевъ не уступитъ васъ.

ВѢРА. Кому?

ЯКОРЕВЪ. Никому. Пять тысячъ не пустякъ!

ВѢРА. Я не понимаю — что вы говорите? Вы согласны съ моимъ планомъ!

ЯКОРЕВЪ (думая вслухъ). Я? Что-же... Я еще молодъ... ошибусь — успѣю поправиться... Жизнь — коротка, а ѣсть надо каждый день...

ВѢРА. Скорѣе-же!

ЯКОРЕВЪ (рѣшительно). Рискую, Вѣра Ивановна!

ВѢРА. Я знаю васъ лучше, чѣмъ вы сами, видите?

ЯКОРЕВЪ. Дѣйствуемъ! Что я проиграю? Жутко, а... заманчиво! Вѣра Ивановна, поцѣлуйте для храбрости!

ВѢРА. Вотъ вамъ моя рука.

ЯКОРЕВЪ. Рука! Что рука? Вы ужъ какъ слѣдуетъ! (Быстро, обнявъ ее, цѣлуетъ въ губы.)

ВѢРА (вырываясь). Ай... какой вы! Отъ васъ пахнетъ помадой!

ЯКОРЕВЪ (смѣясь). Это не помада, а брилліантинъ на усахъ!

ВѢРА (толкая его къ двери). Идите, я провожу васъ чернымъ ходомъ, чтобы никто не видѣлъ. Вотъ, если-бы лѣто было, вы-бы выпрыгнули изъ окна въ садъ...

ЯКОРЕВЪ (за дверью). Зачѣмъ-же прыгать, я не понимаю?

Входитъ Соколова. Прошла на середину комнаты, остановилась, смотритъ вокругъ. Вбѣгаетъ Петръ, смущенно кланяется, хватаетъ стулъ.

ПЕТРЪ. Вы къ папѣ? Пожалуйста садитесь... я позову его!

Бѣжитъ. Соколова не садится, ходитъ. Изъ комнаты Якова появляются Иванъ и Александръ, позднѣе Петръ.

ИВАНЪ (старается держаться внушительно, руку подать не рѣшился). Мое почтеніе, сударыня! Дѣти мои... Александръ, Петръ... Вы... э... ничего не имѣете противъ ихъ присутствія?

СОКОЛОВА. Это вамъ надо рѣшить.

ИВАНЪ (не сразу). Петръ, уйди, да... Очень нервный мальчикъ, сударыня, впечатлительная натура... что-съ?

Петръ быстро уходитъ. Соколова молча смотритъ на Ивана.

ПЕТРЪ (за дверями кричитъ). Мама, мама, иди сюда...

ИВАНЪ (тихо, не сдержавъ досады). А... мальчишка! Шумитъ! Саша, скажи ему — не надо... (Откашливаясь.)

Мнѣ извѣстны, сударыня, мотивы вашего визита... моя жена сообщила мнѣ вашу просьбу...

СОКОЛОВА (спокойно, холодно). Я не прошу, а предлагаю вамъ исправить вашу ошибку...

ИВАНЪ (озадаченъ ея тономъ). Да-съ... конечно! То есть... Ну, да это все равно! Но почему ошибка? Странно! Чѣмъ вы докажете, что я ошибаюсь?

СОКОЛОВА. Я не буду доказывать.

ИВАНЪ. Вы и не можете!

СОКОЛОВА (строго). Значитъ — вы утверждаете, что именно мой сынъ стрѣлялъ?

ИВАНЪ (волнуясь). У него замѣтная фигура...

СОКОЛОВА. Вы видѣли его однажды только — это было на другой день послѣ покушенія, у жандармовъ. Вы отрицаете это?

ИВАНЪ (съ пафосомъ). Сударыня! Не оскорбляйте старика, подозрѣвая его...

СОКОЛОВА. Я спрашиваю — вы утверждаете, что стрѣлялъ тотъ юноша, котораго вамъ показали жандармы?

ИВАНЪ (бодрясь). Увѣренъ-ли? Но если я узналъ его...

СОКОЛОВА. У васъ нѣтъ мужества сознаться въ своей ошибкѣ?

ИВАНЪ (возбуждая себя, кричитъ). Вы не имѣете права говорить со мной въ этомъ тонѣ, милостивая государыня. Вашъ сынъ революціонеръ, у него нашли...

СОКОЛОВА. Вы не отвѣчаете на вопросъ — мой сынъ стрѣлялъ или нѣтъ?

ИВАНЪ (продолжая кричать). Оставьте меня въ покоѣ! Мнѣ дѣла нѣтъ до вашего сына, я тоже имѣю дѣтей!.. Я повторяю: вашъ сынъ — революціонеръ!

СОКОЛОВА (идя). Это не оправдываетъ васъ.

ИВАНЪ (слѣдуя за нею). Позвольте! Что вы хотите дѣлать? Что вы сказали?

СОКОЛОВА (за дверью). Я сказала: это не оправдываетъ васъ!

ИВАНЪ (остановясь, не громко). Передъ кѣмъ?

Стоитъ, дергаетъ себя за усы, тупо глядя въ дверь. Входитъ Софья, за нею Яковъ, его ведетъ подъ руку Петръ; потомъ вбѣгаетъ Вѣра и являются на шумъ Александръ съ Надеждой.

СОФЬЯ. Она уже ушла?

ИВАНЪ (устало). Это какой-то дьяволъ! Она меня замучила!

СОФЬЯ. Ты отказалъ ей?

ИВАНЪ (мягко). Послушай, Соня...

СОФЬЯ (сильно). Ты обѣщалъ признать свою ошибку, ты обѣщалъ мнѣ это, Иванъ!

ИВАНЪ (успокаиваясь). Да... подожди! Я не могу теперь... мое положеніе измѣнилось...

СОФЬЯ (въ ужасѣ). Это принесетъ намъ несчастье! Это принесетъ горе намъ!..

ПЕТРЪ (пораженный). Папа, что ты говоришь? Папа, развѣ можно такъ!

ИВАНЪ. Пошелъ прочь! Яковъ, ты спокойный и разумный человѣкъ...

ВѢРА. Петька, успокойся...

ИВАНЪ (брату). Помоги мнѣ успокоить ее, объяснить ей...

ЯКОВЪ (слабымъ голосомъ). Иванъ, нужно воротить эту женщину!

СОФЬЯ. Петя, иди! Бѣги — зови ее...

ИВАНЪ (съ отчаяніемъ). Что вы дѣлаете? Вы губите меня!

ЯКОВЪ. Нѣтъ... мы... ты подумай...

СОФЬЯ. Ради дѣтей, Иванъ, ради твоей старости!.. Бога ради! Нужно сознаться — иначе это погубитъ насъ...

ИВАНЪ (мечется). Я окончательно разбитъ, меня замучали! Надежда, что мнѣ дѣлать? Саша — говори! Скажи имъ...

НАДЕЖДА (беретъ отца за руку). Спокойнѣе, папа!

Съ другой стороны къ нему подходитъ Вѣра, она ничего не понимаетъ, смотритъ на всѣхъ поочередно испуганными глазами, вертится.

АЛЕКСАНДРЪ. Послушайте, мама...

ЯКОВЪ. Иванъ, тутъ не о чемъ говорить...

АЛЕКСАНДРЪ. Вы не знаете положеніе дѣла...

НАДЕЖДА (Александру). Короче говори, а то она придетъ, эта...

СОФЬЯ (съ тоской). Надя...

АЛЕКСАНДРЪ. Отцу обѣщано мѣсто исправника, если онъ заявитъ, что ошибся съ этимъ выстрѣломъ, мѣсто можетъ ускользнуть отъ него. Нужно избѣжать дурного впечатлѣнія и потому...

ЯКОВЪ (брезгливо). Довольно! Ты говоришь скверно...

АЛЕКСАНДРЪ (обиженно). Тише, дядя, тише...

НАДЕЖДА (солидно). Онъ говоритъ въ интересахъ семьи!

ВѢРА (растерянно). Мама, кто придетъ? Кого ждутъ?

СОФЬЯ. Молчи...

ИВАНЪ. Саша, но если я не удовлетворю эту даму, Яковъ тогда откажетъ.

АЛЕКСАНДРЪ (смущенно). Эхъ... Я позабылъ объ этомъ! Вотъ чертовщина!

НАДЕЖДА (горячо). Я дамъ денегъ! Мужъ дастъ! (Отцу.) Вы не смѣете рисковать, вы не должны... у васъ есть обязанности...

АЛЕКСАНДРЪ. Браво, Надя!

ПЕТРЪ (вбѣгая). Она уже уѣхала, я не догналъ...

ИВАНЪ (облегченно). Ну, слава Богу!

Яковъ, опустивъ голову, сидитъ на стулѣ, около него убитая страхомъ Софья, рядомъ съ нею Петръ, задыхающійся, въ углу Любовь, спокойной зрительницей. У стола Александръ и Надежда. Иванъ сѣлъ, Вѣра, стоя сзади, ласково

гладитъ его плечо и смотритъ на всѣхъ круглыми глазами.

НАДЕЖДА (негромко и недовольно). Я, кажется, поторопилась выскочить...

ИВАНЪ (устало). Вѣра, дай мнѣ вина! Спасибо, Надя! Вотъ у меня даже ноги дрожатъ... Но теперь — кончено...

СОФЬЯ (бормочетъ). Не кончено, нѣтъ!

ИВАНЪ (раздражаясь). Ну, ты — молчи! Ты меня всадила-бы въ исторію, какъ я вижу...

НАДЕЖДА (упрекая). Да, мама! Вы ужасно... непрактичны, ужасно!

Ф е д о с ь я вошла, остановилась у буфета и, качая головой, что-то бормочетъ.

СОФЬЯ. Яковъ, что-же это?

ИВАНЪ. Ну, будетъ! Я весь дрожу!

ЛЮБОВЬ (Яковъ). Уйдемъ отсюда!

ЯКОВЪ (напрягая силы). Мнѣ стыдно назвать тебя братомъ, Иванъ. Мнѣ страшно за твою судьбу, за дѣтей... я боюсь, что они назовутъ тебя...

НАДЕЖДА (громко). Вы не уполномочены говоритъ отъ нашего имени!

ИВАНЪ (встаетъ). Что ты, братъ? Развѣ я поступилъ такъ плохо? Что ты? Ты ошибаешься!

ЛЮБОВЬ (Якову). Иди! Нѣтъ словъ, которыя разбудили-бы совѣсть этихъ людей, ихъ мертвую совѣсть...

АЛЕКСАНДРЪ (гримасничая).

«А Кассандра, обнявъ Александра»
«Подъ чинарой сосётъ пеперменты...»

Петръ протянулъ руки къ отцу, желая что-то сказатъ, и тихо опускается на полъ въ обморокѣ.

ИВАНЪ (тревожно). Что съ тобой? Что съ нимъ?

ЛЮБОВЬ (спокойно). Вы убьете и этого мальчика...

СОФЬЯ (въ страхѣ). Да! Иванъ, да! И его тоже...

НАДЕЖДА (отцу). Это простой обморокъ, папа! Онъ бѣгалъ, ему нельзя бѣгать! Уйдите отсюда, вамъ нужно успокоиться.

АЛЕКСАНДРЪ (беретъ его подъ руку). Идемъ, отдохни!

ФЕДОСЬЯ. Вотъ — задавили ребенка...

ИВАНЪ. Подожди... Что онъ?

ЯКОВЪ. Уйди... прошу тебя!

ИВАНЪ. Конечно — домъ твой, и ты имѣешь право гнать меня... Но дѣти мои, я тоже имѣю право...

НАДЕЖДА. Ахъ, да иди-же!

АЛЕКСАНДРЪ. Ну, нервы-же у всѣхъ здѣсь!

ФЕДОСЬЯ. Экая склока... экіе несуразные...

Иванъ, Надежда и Александръ уходятъ.

ИВАНЪ (уходя). Бѣдный мальчикъ... Его гоняютъ за какими-то тамъ...

ЯКОВЪ. Вотъ, Соня, видишь? Ребенокъ и подлецъ...

СОФЬЯ (поднимая Петра). Не говорите ничего, ради Бога. Помоги мнѣ, Люба... Вѣра, помоги-же...

ФЕДОСЬЯ. На-ко вотъ.... берегла всѣхъ пуще глаза...

ЛЮБОВЬ. Такихъ дѣтей надо держать въ больницахъ, а подлецовъ въ тюрьмахъ...

ВѢРА (кричитъ). Не смѣй такъ говорить о папѣ! Онъ не ребенокъ и не подлецъ! А вотъ ты — злая кошка!

ЯКОВЪ. Вѣра, голубушка моя...

ВѢРА (горячо). Ты, дядя, тоже злой! Ты всю жизнь ничего не дѣлалъ, только деньги проживалъ, а папа.... онъ командовалъ людьми и это очень трудно и опасно... вотъ, въ него даже стрѣляли за это! Я знаю — вы говорите о немъ дурно, что онъ развратникъ и пьяница и все, но вы его не любите и это неправда, неправда! Развратники и пьяницы не могутъ управлять людьми, не могутъ... а папа — могъ! Онъ управлялъ и еще будетъ; зна-

читъ, онъ умный и хорошій человѣкъ! Никто не позволилъ-бы управлять собою дурному человѣку...

ФЕДОСЬЯ (смѣясь). И эта кукуетъ — глядите-ка!

ПЕТРЪ (поднимаясь на ноги). Вѣра, нашъ отецъ — дурной человѣкъ...

ВѢРА (съ большой силой). Ты не понимаешь! Онъ герой! Онъ рисковалъ жизнью, исполняя свой долгъ! А вы... что вы дѣлаете? Какой долгъ исполняете? Вы всѣ живете неизвѣстно зачѣмъ и завидуете отцу, потому что онъ имѣетъ власть надъ людьми, а вы ничего не имѣете, ничего.

ФЕДОСЬЯ. Дѣтки мои, дѣтки!...

Занавѣсъ.

IV.

Комната Якова, о н ъ полулежитъ въ креслѣ, ноги окутаны пледомъ. Ф е д о с ь я съ вязаньемъ въ рукахъ сидитъ въ глубинѣ комнаты, на фонѣ ширмы. И в а н ъ возбужденный ходитъ по комнатѣ. Въ каминѣ тлѣютъ угли, на столѣ горитъ лампа. Говорятъ тихо. Въ сосѣдней комнатѣ у піанино стоитъ Л ю б о в ь.

ИВАНЪ. Это твое послѣднее слово?

ЯКОВЪ. Да.

ИВАНЪ (искренно). Изумительно жестокій человѣкъ ты, Яковъ! Это ты испортилъ мнѣ жену, она была мягка, податлива...

ЯКОВЪ. Пощади себя! Ты стоишь на позиціи унизительной!

ФЕДОСЬЯ. Вотъ когда такъ говорятъ, дружно, тихонько, такъ и слушать пріятно голоса-то человѣческіе...

ИВАНЪ. Не учи, я старше тебя...

ЯКОВЪ. Я сказалъ, что не могу считать тебя порядочнымъ человѣкомъ, а ты просишь у меня денегъ!

ИВАНЪ (почти искренно). Да, ты меня оскорбилъ, а я прошу у тебя денегъ! Да, ты былъ любовникомъ моей жены, а я вотъ ползаю передъ тобой! Не думай, что мнѣ это весело, не думай, что я не хотѣлъ-бы отомстить тебѣ — о-о!

ЯКОВЪ. Да не говори-же ты пошлостей!

ИВАНЪ (съ пафосомъ). Но ты боленъ, это защищаетъ тебя! А я — нормальный, здоровый человѣкъ и я — отецъ! Ты не понимаешь душу отца, какъ русскій не можетъ понять душу жида... то есть — наоборотъ, конечно! Отецъ

— это святая роль, Яковъ! Отецъ — начало жизни, такъ сказать ... Самъ Богъ носитъ великое имя Отца! Отецъ долженъ жертвовать для своихъ дѣтей всѣмъ — самолюбіемъ, честью, жизнью, и я — жертвую! Исполняя этотъ долгъ, я попираю мое самолюбіе — иду въ исправники... бывшій полицеймейстеръ! Исполняя его, я слушаю оскорбленія роднаго брата и не я-ли подставлялъ грудь мою пулямъ злодѣевъ, исполняя великій долгъ мой!

ФЕДОСЬЯ. Этотъ ужъ закричалъ... не можетъ потерпѣть, у!... Не глядѣла-бы... (Встаетъ и уходитъ.)

ЯКОВЪ. Забудь это... Пойми, несчастный человѣкъ, что ты погубилъ своихъ дѣтей... Гдѣ Вѣра?

ИВАНЪ. Ее найдутъ! Она воротится, дрянь...

ЯКОВЪ. А Петя? Ты ему душу разбилъ.

ИВАНЪ. Это болѣзненный мальчикъ, ему нужно лечиться! Его нужно отвести отъ васъ — вотъ главное! Вы мнѣ испортили его!

ЯКОВЪ (обезсилѣвъ). Я не могу говорить... до твоей души ничего не доходитъ!

ИВАНЪ (снова впадая въ высокій стиль). Душа моя одѣта въ панцырь правды, ядъ твоей злобы не коснется ея, нѣтъ! Я твердъ въ защитѣ моихъ правъ отца, хранителя устоевъ жизни! Иванъ Коломейцевъ непоколебимъ, если дѣло идетъ о его правѣ быть вѣрнымъ самому себѣ!

ЛЮБОВЬ (входитъ). Прости, отецъ, я должна вмѣшаться и кончить эту бесѣду, тебѣ вредно волноваться. Иванъ Даниловичъ, отецъ уже сказалъ вамъ, что онъ не дастъ денегъ, я прибавлю — онъ не могъ-бы дать, если-бы даже и хотѣлъ. Деньги отданы госпожѣ Соколовой на залогъ за ея сына.

ИВАНЪ (всплеснувъ руками). Какая злая иронія! Эхъ, Яковъ!

ЛЮБОВЬ (съ насмѣшкой). Если-бы вы заявили о вашей ошибкѣ, деньги попали-бы къ намъ...

ИВАНЪ. А мѣсто исправника — Ковалеву? Вы напрасно выскочили, Любовь Яковлевна, вы еще молоды для

того, чтобы понять всю сложность жизни и мою мученическую роль въ ней!

ЛЮБОВЬ. Хорошо, но отцу вредно...

ИВАНЪ. А мнѣ полезно слушать ваши дерзости? У меня, должно быть, нѣтъ силъ убѣдить тебя, братъ! Что-же я буду дѣлать? Ты погубишь меня, Яковъ, если не дашь денегъ... и меня погубишь, и Софью, и дѣтей...

ЛЮБОВЬ (холодно). Дѣти ваши уже погибли...

ИВАНЪ. Молчите вы... птица! Яковъ, судьба моя и всей семьи моей зависитъ отъ тысячи двухсотъ рублей... пусть будетъ ровно тысяча!... Ты мягкій, неглупый человѣкъ, Яковъ, сегодня рѣшается вопросъ о моемъ назначеніи — Лещъ поѣхалъ дать этому дѣлу рѣшительный толчекъ... Какъ только меня назначатъ, мнѣ сейчасъ-же понадобятся деньги! Я ухожу, оставляя тебя лицомъ къ лицу съ твоею совѣстью, братъ мой!

Поднявъ голову уходитъ. Яковъ со страхомъ смотритъ ему вслѣдъ, Любовь усмѣхается.

ЯКОВЪ (тоже слабо усмѣхаясь). Кошмаръ какой-то, а не человѣкъ! Ты видишь — онъ ужасно нравится себѣ! Въ молодости онъ игралъ на любительской сценѣ и — смотри, въ немъ еще не исчезъ актеръ на роли героевъ... (Помолчавъ.) Онъ заставитъ меня дать ему эти деньги!

ЛЮБОВЬ (глухо). Я не могу себѣ представить человѣка вреднѣе, противнѣе, чѣмъ этотъ...

ЯКОВЪ (безпокойно). Люба, дорогая моя, какъ ты рѣзко... зачѣмъ?

ЛЮБОВЬ (тихо и холодно). Скажи — что мнѣ дѣлать?

ЯКОВЪ (не сразу). Ну, да... Я не умѣю отвѣтить тебѣ... Все это случилось такъ вдругъ и раздавило меня. Я жилъ одинъ, точно кротъ, съ моей тоской и любовью къ мамѣ... Есть люди, которые обречены судьбою любить всю жизнь одну женщину... какъ есть люди, которые всю жизнь пишутъ одну книгу...

ЛЮБОВЬ. И напишутъ плохо...

ЯКОВЪ (искренно и просто). Да! Желая скрыть свое ничтожество, они прячутся въ ничтожный трудъ и обольщаютъ себя сомнительнымъ утѣшеніемъ: я весь въ одномъ!

ЛЮБОВЬ (задумчиво). Ты искрененъ.... но это лишнее...

ЯКОВЪ (тихо). Тебѣ не жаль меня?

ЛЮБОВЬ (тихо двигаясь по комнатѣ). Мнѣ горько и обидно, что я ничего не могу дѣлать! Я хотѣла-бы вытащить отсюда Вѣру и Петра, но я не знаю... какъ? Не умѣю...

ЯКОВЪ. Въ тебѣ есть что-то страшно холодное!

ЛЮБОВЬ. Вѣроятно злоба на свое безсиліе... (Помолчавъ.) Зачѣмъ ты отдалъ меня въ эту яму пошлости и грязи?

ЯКОВЪ. Не спрашивай меня! Ты знаешь, Соня не хотѣла сознаться, что ты моя дочь...

ЛЮБОВЬ (усмѣхаясь). Однако вы, отцы и матери, ужасно легко и просто играете дѣтьми.

ЯКОВЪ. Не будь жестокой...

ЛЮБОВЬ (холодно). Да... это безполезно!

СОФЬЯ (входитъ, убитая). Я не нашла ее... ничего не узнала...

ЯКОВЪ. Какая ты блѣдная, страшная...

СОФЬЯ (думая о другомъ). Тамъ Якоревъ пришелъ. Сегодня онъ, почему-то, грубъ и дерзокъ.

ЛЮБОВЬ. Мнѣ кажется, онъ долженъ знать что-нибудь въ этой исторіи съ Вѣрой...

СОФЬЯ. Что будетъ съ нею? Это Богъ мститъ мнѣ за тебя, Любовь...

ЛЮБОВЬ. Глупости, мама! Какое дѣло Богу, природѣ, солнцу до насъ? Мы лежимъ на дорогѣ людей, какъ обломки какого-то стараго, тяжелаго зданія, можетъ быть — тюрьмы... мы валяемся въ пыли разрушенія и мѣшаемъ людямъ идти... насъ задѣваютъ ногами, мы безсмысленно вызываемъ ненужную боль... иногда, запнувшись за насъ, кто-нибудь падаетъ, ломая себѣ кости...

ЯКОВЪ (тихо). Не говори такъ безнадежно!

СОФЬЯ (стонетъ). Гдѣ она можетъ быть, моя Вѣра?

ЯКОВЪ. Надежда тоже ищетъ?

СОФЬЯ. И Александръ, и зятъ... Какой скандалъ!

ЛЮБОВЬ. Это хуже, чѣмъ скандалъ, мама!

СОФЬЯ. Я знаю, знаю... Я вѣдь говорила: насъ постигнетъ несчастіе...

Шумно идетъ Иванъ, онъ тащитъ за руку Якорева. Околоточный смотритъ исподлобья, но спокоенъ.

ИВАНЪ (съ яростью). Поздравьте — это мой новый зять! Каковъ мерзавецъ, а?

ЯКОРЕВЪ. Вы не ругайтесь!

ИВАНЪ. Да я тебѣ рожу разобью!

СОФЬЯ. Вы... Вѣра у васъ?

ЯКОРЕВЪ. Я знаю гдѣ она...

ИВАНЪ (грозно). Сейчасъ-же подай ее сюда, прохвостъ!

СОФЬЯ (умоляя). Отдайте ее... У васъ ничего нѣтъ, ее ждетъ нищенская жизнь, она вѣдь ничего не умѣетъ дѣлать... вамъ нужно не такую жену...

ЯКОРЕВЪ (опуская голову). Но она уже... мы женились...

СОФЬЯ (падая на стулъ). Да?

ИВАНЪ (хватая Якорева). Ты лжешь! Ты не сказалъ мнѣ этого... Она не могла, не смѣла...

ЯКОРЕВЪ. Не трогайте меня... дайте сказать...

ЯКОВЪ. Оставь, Иванъ!

ЛЮБОВЬ. Горячиться поздно. (Якореву.) Вы ея мужъ? Правда?

Якоревъ молча опускаетъ голову.

ИВАНЪ (кричитъ). Онъ лжетъ! Съ лица земли сотру...

ЯКОРЕВЪ. Дайте объясниться...

ЯКОВЪ. Пусть онъ разскажетъ...

ИВАНЪ. Говори, собака!

ЯКОРЕВЪ. Если вамъ дорога ваша дочь, не обращайтесь со мною грубо...

ИВАНЪ. Ты мнѣ грозишь... Мнѣ?

ЯКОРЕВЪ. Вѣра Ивановна сама предложила мнѣ увезти ее...

ИВАНЪ. Лжешь!

ЯКОРЕВЪ. А теперь послала сказать вамъ, что если ужъ случилось это — надо уступить ея желанію. Вы обѣщали дать за нею Ковалеву пять тысячъ... мы съ васъ возьмемъ четыре... А когда вы будете исправникомъ, то возьмете меня къ себѣ въ уѣздъ приставомъ...

ИВАНЪ (неопредѣленно). Ахъ, бестія! Каково?

СОФЬЯ. О, Боже мой!

ЯКОВЪ (торопливо, заикаясь). Надо уступить имъ! Это разумнѣе твоего плана, Иванъ, видишь? Я дамъ денегъ, и все будетъ хорошо! Если они любятъ другъ друга — не ломайте ихъ любви! Нужно охранять любовь... это хрупкій цвѣтокъ,... и только разъ въ жизни цвѣтетъ онъ, только разъ.

ЛЮБОВЬ (холодно). Перестань! Тебѣ вредно.... Пора брать ванну, идемъ!

ЯКОВЪ. Нѣтъ подожди...

ЛЮБОВЬ (помогая ему встать). Пора! И тебѣ не слѣдуетъ вмѣшиваться въ это дѣло... пойми, здѣсь безполезно все, а тѣмъ болѣе твоя лирика... (Уводитъ его черезъ дверь въ углу.)

ИВАНЪ (Якореву, удивленно). Но какъ ты смѣлъ? Какъ ты рѣшился?

ЯКОРЕВЪ (скромно). Если мнѣ выпадаетъ хорошій случай, я долженъ имъ воспользоваться...

ИВАНЪ. Случай! Софья, а? Наша дочь только случай для околоточнаго!

Софья неподвижно смотритъ передъ собою, пальцы ея рукъ дрожатъ и щиплютъ платье.

ЯКОРЕВЪ (философски). Я начинаю околоточнымъ... кто знаетъ, чѣмъ я кончу?

ИВАНЪ. Острогомъ! Каторгой, скотина!

ЯКОРЕВЪ. Иванъ Даниловичъ, не кричите! Вѣдь я, все-таки, теперь родня вамъ... (Видитъ Вѣру, она быстро и безшумно идетъ къ отцу). Вы! Зачѣмъ-же вы...

ИВАНЪ (рычитъ). Позоръ мой... прочь!

ВѢРА. Папа!

ИВАНЪ. Убью!

СОФЬЯ (не вставая). Вѣра... (Протягиваетъ къ ней руки.)

ВѢРА (твердо). Папа, я глупая дѣвченка, я получила за это жестокій урокъ. Не одна я виновата въ томъ, что глупа...

ИВАНЪ. Ага, Софья! Вотъ, слышала? Она понимаетъ, кто виноватъ!... Продолжай, ну...

СОФЬЯ (тихо). Вѣра, зачѣмъ ты сдѣлала это?

ВѢРА. Якоревъ, вы уйдите... идите въ гостинную.

ЯКОРЕВЪ (покорно идетъ). Хорошо... Только я не понимаю, что вы дѣлаете?

ИВАНЪ. Она командуетъ! Да понимаешь-ли ты, что опозорила меня?

ВѢРА. Папа, я согласна выйти замужъ за Ковалева, слышишь!?

ИВАНЪ. Теперь? Да, развѣ порядочный человѣкъ возьметъ тебя теперь?

ВѢРА (ласково, съ горечью). Но, папа, вѣдь Ковалевъ мерзавецъ, ты говорилъ!

ИВАНЪ. А ты — распутная!

СОФЬЯ (встаетъ, съ угрозою). Молчи!

ИВАНЪ. Такъ? Ну и дѣлайте, что хотите!

ВѢРА. Ты, папа, тоже будешь дѣлать, что я хочу.

ИВАНЪ (прислушиваясь). Я?

ВѢРА. Ты сегодня-же пригласишь Ковалева, все остальное — мое дѣло!

ИВАНЪ (подозрительно). А гдѣ приданое? Гдѣ ты возьмешь пять тысячъ, а?

ВѢРА. Это не нужно...

ИВАНЪ. Не нужно? Гм....

ВѢРА. Ковалевъ богатъ. Ему нужна я, а не деньги... Денегъ онъ самъ наворуетъ...

ИВАНЪ (искренно, съ ужасомъ). Какъ говоритъ эта дѣвченка!

СОФЬЯ. Оставь насъ на минуту...

ИВАНЪ (идетъ, радъ уйти). Да, я уйду... Я готовъ бѣжать отъ васъ на край свѣта, безумные люди! (Уходитъ.)

ВѢРА (смотритъ на мать и говоритъ растерянно, грустно). Вотъ, что со мной случилось...

Софья молча обнимаетъ ее.

СОФЬЯ. Дитя мое! Неужели ты его любишь!

ВѢРА (усмѣхаясь). Это такой маленькій, жалкій трусишка.

СОФЬЯ. Но какъ-же ты могла?...

ВѢРА (пожимая плечами). Такъ... Дурной сонъ! Я думала — все это выйдетъ иначе. Развѣ нѣтъ честныхъ мужчинъ, мама? (Вздрогнувъ, она тихо плачетъ, смотритъ на свое отраженіе въ зеркалѣ и говоритъ сквозь слезы.) Бѣдная Вѣрка, носъ у тебя красный, лицо жалкое и вся ты, какъ побитая собаченка... Мама, иди и пошли мнѣ моего героя. Героя, мама! И не говори мнѣ ничего, прошу тебя. Потому что ты вѣдь тоже виновата не меньше меня въ этой исторіи, да, мама... И за эти три дня я уже наговорила сама себѣ такихъ вещей, что никто мнѣ не скажетъ ни хуже, ни больнѣе... Я вдругъ стала маленькой старушкой, сердце у меня задохнулось... Это на всю жизнь, мама! Вѣдь сердце умираетъ сразу, съ перваго удара! (Смотритъ на мать и говоритъ беззлобно, но жестко.) Я буду холодная и злая, какъ Любовь... Ахъ, Господи, я тоже буду съ радостью мучить людей, только попадись мнѣ

кто-нибудь! Такая дрянь эти люди, мама, такая жалкая дрянь! Иди, зови его!

Софья уходитъ, Вѣра остается одна, схватывается руками за голову и нѣсколько секундъ смотритъ въ пространство широко открытыми глазами, губы у нея шевелятся. Слышитъ шаги Якорева, оправляетъ волосы, лицо ея становится спокойно, дѣловито.

ЯКОРЕВЪ (укоризненно). Что-же это вы дѣлаете? Начали вполнѣ серьезно и — вдругъ — явились сюда! Вы должны были, какъ условлено, сидѣть и ждать, когда я добьюсь согласія на бракъ, и я уже почти добился... а теперь — я даже не понимаю...

ВѢРА (спокойно). Я раздумала. Рѣшила выйти за Ковалева.

ЯКОРЕВЪ (не сразу, зло). Правда?

ВѢРА. Да.

ЯКОРЕВЪ. Ну, это вамъ не удастся!

ВѢРА (сдерживая задоръ). Почему?

ЯКОРЕВЪ. Я не позволю!

ВѢРА (задорно). О! Неужели? Серьезно?

ЯКОРЕВЪ. Какъ нельзя болѣе... Только попробуйте!

ВѢРА. И что-же?

ЯКОРЕВЪ. Немедленно ославлю на весь городъ! Вы понимаете? Не то, что Ковалевъ, лакей изъ трактира не возьметъ васъ. Я шутить съ собой не позволю... я не женщина...

ВѢРА (улыбаясь). Вы меня такъ испугали, что я когда-нибудь умру...

ЯКОРЕВЪ (возмущенъ). Вы не шутите! Какое безобразіе! Сама-же затѣяла всю исторію, а потомъ...

ВѢРА (спокойно). А когда увидѣла, что вы мелкій трусъ, воришка и взяточникъ...

ЯКОРЕВЪ (яростно). За эти слова я тебя заставлю много плакать...

ВѢРА (строго). Молчать, хамъ!

ЯКОРЕВЪ (вздрогнувъ вытянулся и изумленно осмотрѣлся, какъ будто поискалъ, гдѣ спрятанное начальство, затѣмъ съ угрозою). Хорошо!

ВѢРА (подходя къ нему). Послушай, околоточный, той дѣвушки, которая ночевала у тебя двѣ ночи и одну изъ нихъ — противъ воли своей — съ тобой, этой дѣвушки больше нѣтъ!

ЯКОРЕВЪ (предчувствуя что-то опасное для себя, бормочетъ). Конечно... Ну, да... нѣтъ...

ВѢРА. Ты поймешь это, не сейчасъ. Глупая дѣвченка умерла и родилась женщина, которой нечего бояться, некого жалѣть. Ты хочешь опозорить меня, но вѣдь ты уже лишилъ меня стыда, и позоръ мнѣ не страшенъ. Что такое позоръ? Это когда будутъ говорить, что я жила съ тобой? (Смѣется сухимъ смѣхомъ.) Пусть скажутъ. Я сама это знаю! Ну, что-же? Теперь вотъ я буду жить съ Ковалевымъ, по закону, но не желая этого, какъ не хотѣла жить съ тобой... не все-ли мнѣ равно? Ты хочешь этому помѣшать? Ты, сдѣлавъ меня безстыдной, думаешь испугать меня? Чѣмъ-же? Тѣмъ, что разскажешь объ этомъ людямъ. А какое мнѣ дѣло до людей? Ты, такой ничтожный, ничего не можешь сдѣлать.... Не всякій подлецъ вреденъ, иной только жалокъ... Ступай вонъ!

ЯКОРЕВЪ (слушаетъ ее сначала со злой усмѣшкой, но слова ея звучатъ все тише и крѣпче, они пугаютъ его, наконецъ, онъ говоритъ, смущенно пожимая плечами). Вы однако... вы забыли, что первая начали дѣло...

ВѢРА (спокойно). Ступай вонъ, я говорю!

ЯКОРЕВЪ (огорченно). Если-бы я зналъ, что вы такая...

ВѢРА. То... что?

ЯКОРЕВЪ (соображая). Не связывался-бы... Вы, въ сущности, обманули меня... Повредить мнѣ для васъ легко, я это понимаю. Отецъ и братъ — оба въ полиціи... да

если еще мужъ... конечно, меня загрызутъ... Я готовъ дать вамъ честное слово...

ВѢРА (кричитъ). Уйди прочь!

Онъ быстро уходитъ. Софья бѣжитъ, Вѣра бросается встрѣчу ей.

СОФЬЯ (испуганно). Что ты кричишь? Онъ былъ грубъ съ тобой?

ВѢРА (задыхаясь отъ возбужденія). Онъ велъ себя, какъ рыцарь, мама! Я сказала ему: дорогой мой, я тебя люблю.

СОФЬЯ. Ты говорила — не любишь...

ВѢРА. Подожди, мама! На пути нашемъ къ счастью, сказала я, неодолимыя препятствія... Я все уничожу или умру, отвѣтилъ подлецъ... то есть — герой, мама! Мы говорили долго, красиво и оба плакали отъ восторга другъ передъ другомъ, двѣ чистыя, двѣ пылкія души...

«Звѣзды ясныя, звѣзды прекрасныя,»
«Нашептали цвѣтамъ сказки чудныя...»

и обманули одну маленькую дѣвочку... Но говоря о любви, мама, онъ употребляетъ слишкомъ много вводныхъ предложеній... это всегда противно, и я сказала ему: уйди прочь!

СОФЬЯ. Родная моя, дитя мое...

ВѢРА. Нѣтъ, я закричала, потому что мнѣ сдѣлалось больно, нестерпимо больно! Моя милая мама, какъ это все случилось? Вѣдь я шутила, играла. Скажи мнѣ, развѣ нельзя шутить, нельзя вѣрить въ хорошее?

СОФЬЯ. Что я тебѣ скажу!

ВѢРА (помолчавъ, серьезно). Я никогда не рѣшусь имѣть дѣтей, это страшно! Я тоже не понимаю, ничего не понимаю и не могла-бы сказать имъ ничего...

Въ столовой голоса Надежды и Александра.

ВѢРА. Братъ и сестра идутъ... спрячь меня. Они меня тоже искали? Не пускай ихъ ко мнѣ... не нужно!

Софья уводитъ ее черезъ дверь въ углу.

ВѢРА (на ходу). Мама, ты тоже вѣрила въ хорошее, когда была дѣвушкой?

СОФЬЯ. Тоже...

ВѢРА. А можетъ быть всѣ герои — лгуны?...

Въ столовой раздаются голоса.

АЛЕКСАНДРЪ. Я надаю ей пощечинъ!

НАДЕЖДА. Ахъ, дура, дура...

ИВАНЪ. Но каково это отцу!

НАДЕЖДА (заглядывая въ комнату Якова). Здѣсь нѣтъ ея.

ИВАНЪ. Ударъ за ударомъ падаетъ на мою голову!

АЛЕКСАНДРЪ. Надо скорѣе выдать ее за Ковалева!

НАДЕЖДА. Ну, конечно...

ИВАНЪ. Да, если онъ ее возьметъ!

НАДЕЖДА. Не безпокойся, возьметъ!

Голоса стихаютъ, видимо перешли въ гостинную. Идетъ Петръ, блѣдный, на лицѣ пьяная улыбка, садится въ кресло, закрываетъ глаза. Изъ маленькой двери выходитъ Софья, она наливаетъ въ стаканъ воды изъ графина на столикѣ у кровати Якова.

ПЕТРЪ. Опять кто-нибудь плачетъ?

СОФЬЯ. Ты пришелъ? Гдѣ ты былъ?

ПЕТРЪ. Кто это плачетъ?

СОФЬЯ. Вѣра...

ПЕТРЪ. А, она вернулась...

СОФЬЯ (подходя къ нему). Да.

ПЕТРЪ (усмѣхаясь). Отсюда не уйдешь.... нѣ-ѣтъ! И пробовать не стоитъ...

СОФЬЯ (тихо). Петя, ты выпилъ?...

ПЕТРЪ. Чутъ-чуть, мама! Совсѣмъ немножко...

СОФЬЯ. Зачѣмъ? Вѣдь это для тебя самоубійство!

ПЕТРЪ. Самоубійство — глупость. Ужасно дрянно, когда люди моихъ лѣтъ стрѣляются!

СОФЬЯ. Господи! Какъ страшно ты говоришь! И гдѣ ты былъ?

ПЕТРЪ (усмѣхаясь). У Кирилла Александровича. Но я больше не пойду къ нему и вообще въ ту сторону. Тамъ... строго! Тамъ отъ человѣка требуютъ такую массу разныхъ вещей — пониманія жизни, уваженія къ людямъ и прочее, а я... какъ пустой чемоданъ. Меня по ошибкѣ взяли въ дорогу, забывъ наполнить необходимыми для путешествія вещами...

СОФЬЯ. Тебя тамъ и напоили?

ПЕТРЪ. Боже сохрани! Тамъ пьютъ чай съ философіей и всякими другими премудростями, но... даже варенья не даютъ! Нѣтъ, я зашелъ въ трактиръ. Вотъ это хорошо!

СОФЬЯ. Иди къ себѣ и ляг... ъ...

ПЕТРЪ (задумчиво). И лежать. А вмѣстѣ съ тобой ляжетъ такая холодная, тяжелая тоска... Какія средства ты знаешь противъ тоски?

СОФЬЯ. Я ничего не знаю. Я боюсь говорить. Если-бы всѣ мы лгали — это было-бы лучше...

ПЕТРЪ. Молчать — лгать, говорить — лгать... Ну, иди, отирай слезы... Неси воду... Это Вѣрѣ?

СОФЬЯ (идетъ). Да... Я позабыла...

Въ двери сталкивается съ Любовью и Яковомъ.

ЛЮБОВЬ (Якову). Теперь легче?

ЯКОВЪ (хрипло). Да... немного...

ЛЮБОВЬ. Очевидно, что ванны вредны тебѣ...

ЯКОВЪ. Пожалуй такъ... Но Лещъ этотъ...

ЛЮБОВЬ. Я приглашу другого доктора...

ЯКОВЪ. Неудобно... Лещъ обидится...

ПЕТРЪ (вставая). Извиняюсь... я занялъ вашъ тронъ!

ЯКОВЪ (усмѣхаясь). Преждевременно, братъ... Сиди, сиди. Я лягу на постель... мнѣ и сидѣть трудно.

ПЕТРЪ (Любови). Ты видѣла Вѣру?

ЛЮБОВЬ (устраивая Якова). Пришла?

ЯКОВЪ. Ну, что? Какъ она?

ПЕТРЪ. Я не видѣлъ.

ЛЮБОВЬ (Петру). Побудь здѣсь, я пойду къ ней... (Уходитъ.)

ЯКОВЪ. Нестерпимо жалко бѣдную дѣвочку.

ПЕТРЪ. Развѣ человѣку легче, если ты польешь уксусу въ рану его?

ЯКОВЪ (удивленно). Ты точно Люба...

ПЕТРЪ. Люба? Она всегда видитъ больше другихъ и оттого такая злая... О, вотъ идутъ люди разума.

ЯКОВЪ (съ гримасой). Они станутъ кричать здѣсь, эхъ...

НАДЕЖДА (входитъ). Вы куда это спрятали Вѣру?

АЛЕКСАНДРЪ. Какъ глупо!

ПЕТРЪ. Она съ мамой...

НАДЕЖДА (присматриваясь). Ты что такой трепаный? (Уходитъ въ маленькую дверь.)

АЛЕКСАНДРЪ. Какъ вы чувствуете себя, mon oncle?

ЯКОВЪ. Не важно... не важно...

АЛЕКСАНДРЪ. Сердце? Hélas... Закуримъ...

ЯКОВЪ. Я-бы попросилъ тебя...

АЛЕКСАНДРЪ. Ахъ, pardon! При сердцѣ табакъ вреденъ, а такъ-же вино, женщины и все остальное!

ПЕТРЪ. Какой онъ остроумный, дядя!

ЯКОВЪ (грустно). Да...

АЛЕКСАНДРЪ. А ты зачѣмъ здѣсь?

ПЕТРЪ. Дядя, одинъ гимназистъ — ужасный комикъ — однажды сказалъ:

«— Чтобы не повредить покою своему,»
«Не спрашивай людей — зачѣмъ и почему...»

АЛЕКСАНДРЪ. Му-му-му! Какіе-то телячьи стихи!

НАДЕЖДА (выскакиваетъ возмущенная). Любовь просто обезумѣла отъ злости!

АЛЕКСАНДРЪ (закуривая). Что еще?

НАДЕЖДА. Дядя, вы имѣете на нее вліяніе, вы должны укротить ее, она развращаетъ Вѣру...

ЯКОВЪ (волнуясь). Развращаетъ? Люба...

НАДЕЖДА. Что за идеи у нея!

ЯКОВЪ (Александру). Я васъ просилъ не курить здѣсь...

АЛЕКСАНДРЪ. О, pardon!

ЯКОВЪ (слабо). Я не могу спорить, Надя, мнѣ худо... Но говорить такъ о Любѣ... прошу... не надо...

НАДЕЖДА. Она внушаетъ Вѣркѣ мерзости!

ИВАНЪ (идетъ). Гм... а Леща все нѣтъ...

Маленькая дверь съ шумомъ растворяется, выскакиваетъ Вѣра, за нею идутъ Софья и Любовь.

ВѢРА (горячо, съ тоскою). Вы обѣ, и ты, и мама — ошибаетесь! Папа, ты честный, хорошій человѣкъ!

ИВАНЪ (торжественно). Несчастная! Тебѣ-ли сомнѣваться въ этомъ?

ПЕТРЪ (грустно усмѣхаясь). Эхъ, Вѣрка...

ВѢРА. Папа, не говори такъ... съ жестами! Пусть я дурная, пусть грязная, но вѣдь я — дочь тебѣ, я кровь твоя!

ИВАНЪ. О, да, къ несчастію...

ПЕТРЪ. Какой прекрасный комикъ пропадаетъ!

ВѢРА. Папа, скажи мнѣ, отвѣчай!

ЯКОВЪ (его не слышатъ). Уйдите... здѣсь не мѣсто...

ИВАНЪ (отталкивая Вѣру). Ты не имѣешь права спрашивать меня!

ВѢРА. Не имѣю?

ИВАНЪ (идя къ Петру). Ты что сказалъ?

АЛЕКСАНДРЪ (удерживая его). Стой, отецъ, я надеру ему уши...

СОФЬЯ (спокойно). Не смѣй!

ПЕТРЪ (выступая изъ-за ея плеча). Хочешь драться, полицейскій?

ИВАНЪ. Вотъ! Вотъ, Надя...

ВѢРА (съ отчаяніемъ). Папа, я тебя прошу...

ПЕТРЪ (блѣдный, трясется). Отецъ, она имѣетъ право требовать у тебя отвѣта, она не знаетъ — кто ты? Мы оба спрашиваемъ — впрочемъ я не буду, но ей, чтобы жить, нужно знать: честный-ли человѣкъ ея отецъ?

ИВАНЪ (пораженъ). Что? Что?

НАДЕЖДА. Петька, замолчи!

СОФЬЯ (тихо, внушительно). Пусть они говорятъ!

ПЕТРЪ. Я думаю, отецъ, что несчастные люди, больные, вообще — нехорошіе люди, не имѣютъ права родить дѣтей...

АЛЕКСАНДРЪ (усмѣхаясь). Вотъ оселъ! Развѣ это дѣлается по праву?

ПЕТРЪ (пьянѣя отъ возбужденія). Отецъ, я такъ думаю! Развѣ дѣти для того, чтобы стыдиться своихъ отцовъ? Развѣ они для того, чтобы оправдывать и защищать все, что сдѣлано ихъ родителями? Мы хотимъ знать, что вы дѣлаете, мы должны понимать это, на насъ ложатся ваши ошибки!

ИВАНЪ. Что онъ говоритъ? Продолжай, дрянь....

ПЕТРЪ. Ты далъ мнѣ жизнь, ты воспиталъ меня — почему-же я дрянь? Я твоя кровь, отецъ!

ВѢРА (жалобно). Петя, молчи!

ЯКОВЪ (тихо). Люба! Скажи имъ, что я не могу... (Любовь не слышитъ его.)

ПЕТРЪ. Отецъ, ты честный человѣкъ?

ВѢРА (требуетъ). Мама, проси его, чтобы онъ отвѣтилъ, проси!

ИВАНЪ (растерянно). Послушай, скверное животное...

ПЕТРЪ. Вотъ, Вѣра, слушай!

ИВАНЪ (впадая въ обычный, фальшивый тонъ пафоса). Слушай и ты, развратная дѣвченка...

СОФЬЯ. Молчи, Иванъ, не губи себя до конца! (Вдругъ опускается на колѣни.) Простите меня!

НАДЕЖДА. Что за комедія? Мама, стыдитесь!

ИВАНЪ. Ф-фу, чортъ возьми...

СОФЬЯ. Я могу только это. Простите меня, дѣти, за то, что я родила васъ — вотъ, что я могу сказать...

ЛЮБОВЬ (бросаясь къ ней). Встань, мама, это безполезно!

СОФЬЯ (мужу). Проси у нихъ прощенія. Это все хорошее, что мы можемъ сдѣлать...

ИВАНЪ. Ты... ты понимаешь, что ты дѣлаешь? (Бѣжитъ изъ комнаты и оретъ.) Вы меня хотите съ ума свести!

НАДЕЖДА (матери). Вы убиваете уваженіе къ себѣ!

ПЕТРЪ (грустно). Мама, вотъ это и есть — трагическій балаганъ!

ВѢРА (горячо). Она — искренно!

ПЕТРЪ. Не все-ли равно?

ЯКОВЪ (тихо). Люба... Соня... (Онъ дѣлаетъ попытку встать, опрокидывается, хрипитъ, и ротъ у него открывается, точно для крика.)

СОФЬЯ. Я виновата передъ вами, передъ всѣми, передъ каждымъ! Что съ вами будетъ?

Петръ увидѣлъ лицо дяди, вздрогнулъ, подошелъ къ нему и, посмотрѣвъ, торжественно говоритъ.

ПЕТРЪ. Дядя Яковъ умеръ...

Всѣ на моментъ оцѣпенѣли, молчатъ, потомъ медленно, осторожно подходятъ къ мертвому.

ЛЮБОВЬ (тихо). Только такъ можно уйти изъ этого дома. Одна дорога...

ПЕТРЪ. Другая — смерть души...

СОФЬЯ (подавленно). Это мы его убили...

BÜHNEN- UND BUCHVERLAG RUSSISCHER AUTORE
J. LADYSCHNIKOW, BERLIN W. 15., Uhlandstr. 52.

Поступили въ продажу:

Максимъ Горькій.

Мать. Романъ . .	4,— м.
Дѣти солнца . . .	2,— „
Варвары	2,— „
Враги	2,— „
Дачники	2,— „
Въ Америкѣ . . .	1,50 „
Тюрьма	1,50 „
Вукоемовъ. Дѣвочка	—,90 „
Разск. Филиппа Вас.	—,90 „
А. П. Чеховъ . . .	—,90 „
Человѣкъ	—,60 „
9-е января	—,60 „
Товарищъ!	—,50 „
Прекрасная Франція	—,50 „
Король республики	—,50 „
Жрецъ морали . .	—,50 „
Хозяева жизни . .	—,50 „
Русскій царь . . .	—,50 „
Солдаты	1,— „

Евгеній Чириковъ.

Мужики	2,— „
Мятежники	1,50 „
Легенда стараго замка	1,50 „
Евреи	1,50 „
Красные огни . . .	1,— „
На порукахъ . . .	1,— „
„Товарищъ“	—,50 „
На порогѣ жизни .	—,60 „

Семенъ Юшкевичъ.

Голодъ	2,— „
Прологъ	2,— „
Евреи	2,— „
Дина Гланкъ . . .	1,50 „
Чужая	1,— „

Леонидъ Андреевъ.

Савва (Ignis Sanat.) .	2,— м
Къ звѣздамъ . . .	1,50 „
Жизнь Человѣка . .	1,50 „
Царь-Голодъ . . .	1,50 „
Іуда Искаріотъ и др.	1,50 „
Жизнь Василія Ѳивейскаго	1,50 „
Красный смѣхъ . .	1,20 „
Тьма	1,20 „
Губернаторъ . . .	1,20 „
Проклятіе звѣря . .	1,— „
Такъ было	—,75 „
Христіане	—,50 „
Елеазаръ	—,50 „

Скиталецъ.

Полевой судъ . . .	—,50 „
Лѣсъ разгорался . .	—,50 „
Огарки (Распродано).	—

Давидъ Айзманъ.

Терновый кустъ . .	1,50 „

В. Вересаевъ.

Честнымъ путемъ .	1,— „

Н. Гаринъ.

Корейскія сказки . (Распродано)	—

Левъ Дейчъ.

Четыре побѣга . .	2,50 „

Осипъ Дымовъ.

Каждый день . . .	1,— „

Кн. С. Д. Урусовъ.

Записки Губернатора	3,— „

Д. С. Мережковскій

Смерть Павла I . .	1,50 „